

На олимпийской орбите

На олимпийской орбите

Москва
«Советская Россия»
1980

7А.02
Н12

Составитель *А. Пискарев*

Н $\frac{60901-059}{M-105(03)80}$ БЗ-38-24-80 4202000000

© Издательство «Советская Россия», 1980 г.

ЭТИ ГОНКИ ВДАЛИ ОТ ЗРИТЕЛЕЙ

С 1932 года на олимпийских регатах утвердилась яхта-двойка класса «Звездный» («Star»). Первая яхта этого класса была сконструирована американцем Уильямом Гарднером в 1911 году. Пятиконечная красная звездочка, украсившая ее парус («Литл Дипер» — так была названа эта яхта, которую поставили на прикол только в 1955 г.), и дала название классу.

Рассказ об олимпийских гонках на килевой яхте-двойке (в семидесятые годы класс «Звездный» заменили было в олимпийской программе классом «Темпест») позволит представить наиболее славных наших яхтсменов.

После Стокгольмской олимпиады 1912 года, на которой русский рулевой А. Вышнеградский удостоился бронзовой медали, наш парусный спорт развивался обособленно — на верфях строились яхты отнюдь не олимпийских классов. И в Хельсинки нашим парусникам предстояло гоняться на совершенно неведомых яхтах.

Что касается «Звездников», то три старые яхты, доставшиеся нам во время войны, удалось найти в Одессе и в Ленинграде. Четвертая яхта этого класса — тоже, кстати, уже устаревшая — была куплена в Англии. В начале олимпийского лета эти суда были спущены в Таллине на воду. Среди четырех признанных рулевых, с удивительной уверенностью взявшихся за два месяца постигнуть все премудрости гонок на прихотливом «Звезднике», был и 25-летний Тимир Пинегин.

Такого горожанина — да притом москвича! — не сыщешь. Пинегин любит только утреннюю Москву, когда пустынные улицы. В малознакомой компании спешит пайти интересную книгу, чтобы тут же уткнуться в нее. Он никогда не ходил на тапцы и сторонится многолюдных зре-

лиц. Уже в детстве каждый свободный час проводил на Клязьминском водохранилище и в четырнадцать лет, в самый канун войны, получил звание рулевого второго класса. Яхт-клуб для него — это место, где в домашней обстановке хорошо знакомые люди заняты общим, захватывающе интересным делом. Он продолжал сторониться публичности и уже став знаменитым спортсменом...

1952 г., Хельсинки, XV Олимпийские игры

Класс «Звездный»

1. А. Страулино (Италия)
2. Д. Прайс (США)
3. И. Фьюза (Португалия)

В Хельсинки Пинегина взяли лишь запасным, и он наблюдал, как наши лучшие рулевые, уважаемые и авторитетные для него люди, безнадежно проигрывали во всех классах гонку за гонкой. Они давали заверения, что лишь бы ветер «работал» — они уж покажут... Что ж, ветер в Финском заливе был — и ровно «работал», и менялся, — но нашим лучшим рулевым никак не удавалось проявить свое тактическое мастерство. Все семь гоночных дней Пинегин провел в море — на катере. Отбуксировывал наш «Звездник» (рулевым на нем был Александр Чумаков, а шкотовым Константин Мельгунов) к старту, а затем шел вдоль дистанции и не уставал восхищаться тем, как умело ведут яхты итальянец Страулино и американец Прайс — какую скорость они выжимают!

Гонки с пересадкой, принятые в то время у нас в стране (после каждой гонки экипажи менялись судами), формировали особый тип рулевого, который, делая ставку на тактику, на технику взятия старта, умел быстро приспособиться к любой яхте. Пинегин понял в Хельсинки, что к «Звезднику» надо приспособливаться годами, — только тщательно изучив свою яхту, зная все ее возможности, ты вправе надеяться на успех.

Пинегин увидел в Хельсинки прославленные яхты мирового «Звездного флота»: «Мероп» Страулино, «Куруш-IV» кубинца де Карденаса... Тайной совершенства этих яхт владел известный американский гонщик Слип Этчел, на верфи которого «Олд Гринвич» они строились.

Да, наши остались в тени на олимпийской регате 1952 года. Разве что Федор Шутков, ходивший матросом на яхте «Цирцея» (класс «Р-6»), обрел популярность.

Был день, когда за Шутковым охотились все западные журналисты.

Пипегин рассказывает о Шуткове:

«Любой механизм для Феди не секрет — с закрытыми глазами разберет и соберет, хотя никакого образования не получил. До войны с малых лет работал в своей подмосковной деревне на тракторе, потом служил на флоте, был под Одессой — в десанте — ранен... После войны мы вместе занимались в яхт-клубе «Динамо». Стояли в Химках, а на гонки ходили на Клязьму. Был у нас такой любитель марафона Паша Сайин. Мы идем из Химок на яхтах, а Паша бежит по берегу и на Клязьме уже встречает нас. Но однажды Федя сказал ему: «Подумаешь, двадцать километров пробежать!» Они заспорили, и Федя, который никогда бегом не занимался, заявил, что он сколько надо, столько и пробежит. И действительно добежал до Клязьмы раньше Паши! Динамовские марафонцы позвали Федю на прикидку — оп их всех тоже обставил. Его на Всесоюзный сбор приглашали, но он не ушел из паруса. На яхте, открениваясь, Федя повиснет на одной руке и надо час — час будет висеть, надо три — пожалуйста. Да и вообще может работать без ограничения времени».

Что же случилось в Хельсинки? В одной из гонок, в восьмибалльный ветер, на «Цирцее» сломалась краспица. Это распорка такая высоко на мачте — для троса, который ее крепит. Самое благоразумное решение в такой ситуации — бросать гонку и идти домой. «Цирцея» к тому же не претендовала уже на хорошее место. Но матросу Шуткову стало обидно: «Что же мы приехали на Олимпиаду — гоняться или идти домой?» Он прикинул: до сломанной краспицы было метров одиннадцать...

«Я взял с собой швабру, — рассказывает Шутков, — веревку и полез на мачту. А волна тебя бьет, отрывает от мачты. Сразу, как влез, чтобы не улететь, привязал себя к мачте веревкой. Целый курс, от знака до знака, работал и заменил шваброй — палка была длинная — ту половину краспицы, которая отлетела. Слез, когда надо было уже в лавировку идти. Вернулись в гавань, а ко мне журналисты. Американцы показывают: лезь снова на мачту, а мы фотографию будем делать. Я им: «Нет». И сказал по-русски, что мне это надо, как... Поняли, стали тогда просить, чтобы я сел в «беседку», а они сами вручную меня фалом на мачту поднимут. В «беседку» я сел... Были у меня газеты, где фотография эта, да раздал».

1956 г., Мельбурн, XVI Олимпийские игры

Класс «Звездный»

1. Г. Уильямс (США)
2. А. Страулино (Италия)
3. Д. Ноулз (Багамские острова)

Вскоре после Олимпиады в Хельсинки Тимир Пинегин сговорился с Федором Шутковым, и они начали вместе гоняться на «Звезднике». Так возник экипаж (идеально совмещающийся на яхте, на берегу каждый из них продолжал держаться своей компании), у которого долгие годы в стране не будет равных соперников.

«Варяг», их первая яхта, была построена Таллинской верфью по всем правилам «Звездного» класса — Пинегин в те годы чуть ли не переселился в Таллин, — по тех совершенных очертаний, которые отличали «Мероп» Страулино, корпус ее не имел. Все яхты «Звездного» класса — монолитны. Они строятся по единому чертежу, а нарушение даже одного из размеров грозит тем, что Главный меритель класса, штаб-квартира которого находится в Нью-Йорке, не утвердит мерительное свидетельство, и яхта не будет допущена к соревнованиям. «Варяг» получил такое свидетельство, но это была тихоходная яхта.

Тем не менее Пинегин выигрывал, встречаясь с финнами и шведами. Выигрывал, создавая запас прочности при взятии старта и на лавировке, ибо на полных курсах «Варяг» совсем не глиссировал. Первые успехи Пинегина, хотя его соперники и не были знаменитыми гонщиками, выглядели столь впечатляюще, что ближе к Мельбурнской олимпиаде ему была заказана яхта на верфи «Олд Гринвич» и комплект дакроновых парусов чикагской фирмы «Морфи энд Най»! Сейчас подобный заказ выглядит как нечто совершенно естественное, но в те годы...

«Близился день, — рассказывает Пинегин, — когда мы должны были уходить на «Грузин» из Одессы в Мельбурн, а американского «Звездника» не было — где-то застрял в пути. Что было делать? Эстонский гонщик Энн Метсаар отдал мне свою новенькую яхту «Туилинд», которая, как мне казалось, была быстрее, чем «Варяг». Эту яхту и подняли на борт «Грузин». Мы ушли из Одессы 3 октября, а в тот же день в Ленинград пришло норвежское грузовое судно, в трюме которого находился мой новенький «Олд Гринвич»...

В Мельбурне мы не поехали в олимпийскую деревню, а остались жить на «Грузии». Сходили с корабля на причал, садились в автобус и выходили уже на яхтенном причале. Австралию видели из окна автобуса.

В первый же день я убедился, что «Звездника» с таким корпусом, как у нашей «Тулилинд», ни у кого больше не было. Этчел, владелец «Олд Гринвича», еще в сорок восьмом году нашел, оказывается, лазейку в правилах, которая позволила ему, оставаясь в классе, изменить форму корпуса — делать яхту глиссирующей. Эта находка и обеспечила успех «Олд Гринвича». Таллинская же верфь продолжала строить яхты по старым чертежам...

Американские дакроновые паруса, прибывшие с новой яхтой в Ленинград, нам переслать успели. Но что это могло изменить? На верхнем знаке мы бывали за счет лавировки и первыми, и вторыми, однако гонка длинная... У меня были очень ровные результаты — почти все гонки заканчивал седьмым или восьмым. Впереди приходили асы, с которыми невозможно было бороться ходом. В австралийском заливе Порт-Филипп гонялись шесть чемпионов и экс-чемпионов мира и Европы! Общим восьмым местом я, конечно, доволен не был. Не мог простить себе прежде всего, что пропустил вперед англичанина, который имел отличную яхту, но как гонщик особенно не впечатлял.

Победил в Мельбурне опытный американец Герберт Уильямс. Он рассказывал, что, готовясь к гонкам в Порт-Филиппе, убеждал своего матроса Лари Лоу: «Ты должен прибавить пятнадцать фунтов, а я на себя беру двадцать». Нарастивали они не сало, естественно. И в ветреную погоду на океанской волне большой вес давал американцам преимущество. Ведь когда ветер давит на парус, мы открениваем яхту своим весом. Вес важен не только на лавировке, но и на полном курсе, где вы своим весом «подрываете» яхту на глиссирование.

Нашим соседом по причалу, с которым мы с Федей сразу же подружились, был тайландский принц Бирабонгзе. Худенький принц Бира и его матрос выглядели на борту яхты, как две мухи. Но даже Страулино и его матрос Роде — люди нормального «звездного» веса — уступали массивным американцам, когда по-настоящему дуло. Я весил лишь восемьдесят пять килограммов, Федя — чуть больше, но у нас был свой секрет откренивания (я о нем расскажу еще), и если бы яхта была другая... Хотя сейчас, оценивая события издали, думаю, что, получи мы «Торнадо» —

так я пазвал свой «Олд Гринвич» — даже за полгода до Игр, нам не хватило бы этого времени, чтобы познать яхту полностью и уже в Мельбурне претендовать на победу».

А Федор Шутков по этому поводу сказал мне так:

«Мы два раза, когда очень здорово дуло, так уходили от американцев, что их даже вес не спасал. Дали бы нам их лодку (без сленга Шутков не обходился: яхту, к примеру, он называет только лодкой.— Ю. З.), еще неизвестно, кто бы был чемпионом. У нас даже сосалки (насоса.— Ю. З.) на лодке не было. Чумичку, которой кок суп разливает, я посадил на большую палку, и мы с черпаком этим, которым все Балтийское море перечерпали, и в Австралию заявились».

1960 г., Неаполь, XVII Олимпийские игры

Класс «Звездный»

1. Т. Пинегин (СССР)
2. М. Кина (Португалия)
3. У. Паркс (США)

Яхта «Торнадо», зарегистрированная в официальном регистре «Звездного» класса под № 3802 (под первым номером в регистре — «Литл Дипер»), была сделана из американской ели (спрус). 22 июня 1957 года, в день летнего солнцестояния, Пинегин и Шутков впервые спустили «Торнадо» на воду — это было в Таллинском заливе — и едва легли на полный курс, яхта стремительно набрала ход — никогда прежде под парусами ни тот, ни другой не испытывали подобного ощущения скорости.

Летом пятьдесят девятого года (впервые после Мельбурна) они получили, наконец, возможность встретиться с сильнейшими зарубежными яхтсменами — вылетели в Касабланку на чемпионат Европы и Северной Африки в классе «Звездный». А «Торнадо» вместе с другим нашим «Звездником» — экипажа Бориса Мирохина — было погружено на испанское судно, которое... пришло в Касабланку, когда соревнования уже завершились — по пути, в Малаге, моряки загуляли то ли на карнавале, то ли на фестивале.

«Мы ждали у моря погоды, — рассказывает Пинегин, — пока за дело не взялся местный страховщик морских перевозок француз Серж Тай, который и обнаружил наши яхты в Малаге. В детстве Серж жил в России... Так вот, в Касабланке мы вновь оказались у разбитого корыта. «Торнадо» тогда на самом ходу была, а мы с Федей ста-

вилл паруса — паруса у нас с собой были — на старую марокканскую яхту, которую Серж нашел для нас.

Я шкёты добрал как следует, и проржавевшие болты штаговой оковки лопнули... Хозяин яхты принес несколько ящиков инструмента, и мы с Федей взялись за дело — клепаем, завинчиваем. Серж говорит хозяину яхты: «Ты должен платить им за капитальный ремонт». Мы уже не думали о том, чтобы испытать свои силы в борьбе со Страулино — он победит и на этот раз и станет девятикратным чемпионом Европы! — лишь бы на берегу не сидеть.

В первой же гонке мы славировались отлично и на первый знак вышли первыми, но наша яхта не глиссировала и к нижнему знаку нас достали и поглотили... Да, заняли мы девятое место, но слетали в Марокко не зря. Я увидел у португальца Фьюза новейшую модель парусов: и по раскрою и по материалу. Это был уже супердакрон — тканый материал, прокатанный под горячим прессом. Гладкий, абсолютно непродуваемый парус не изменял своей формы и в сильный ветер. Создал эту модель американец Лоуэл Норт — самый головастый среди современных яхтсменов. Блестящий инженер-аэродинамик. Его фирма по производству парусов затрачивает на исследования до миллиона долларов в год. А начинал он с нуля — был просто талантливым гонщиком. Возвратившись в Москву, я сказал, что на олимпийской регате без парусов Норта делать нечего.

В Касабланке же решил, что хватит нам удивлять мир Фединым черпаком. Все гонщики пользовались насосами португальца Дуарте Белло. Я был знаком с ним еще с Мельбурна, где Белло вошел в ту недосыгаемую для меня шестерку. Я сказал ему, что хотел бы купить насос. У него не оказалось лишнего, но после последней гонки Белло снял для меня насос со своей яхты.

В марте шестидесятого года мы гонялись — уже на «Торнадо» — в Генуе. Был очень сильный состав — вся Европа была. Генуэзская регата обычно суровая. Ветер достигает девяти баллов. Были и такие случаи: пятьдесят семь «Звездников» стартуют, а до финиша доходят лишь четыре.

Агостино Страулино в те годы считался непревзойденным специалистом по сильным ветрам. В слабый ветер он еще мог проиграть, но в сильный — никогда и никому. Тем более в родных водах. И как раз в сильный ветер в жесткой борьбе со Страулино — другие были на полголовы ниже —

мы выиграли в Гепуе две гонки. Обо мне заговорили, как о гонщике в сильный ветер: «Если в Неаполе дует, то тогда у русских...» Но это уже говорилось с усмешкой, потому что в июле — августе в Неаполе сильных ветров не ждут».

«Торнадо» везли в Неаполь в корабельном трюме, а в соседнем трюме обитали наши олимпийские лошади. На палубе маялся Федор Шутков, который, побоявшись расстаться с яхтой, взялся сопровождать ее. В Неаполе, дожидаясь Пинегина, он потихоньку шкурил, полировал «Торнадо». Корпус яхты Шутков полирует так, что захочешь побриться — вот тебе зеркало. Шутков гладил любовно новую мачту из спруса — запасную, которую все эти годы они берегли для Неаполя. Теперь эту мачту украсят голубые супердакроновые паруса, под которыми они гонялись уже в Севастополе, на предолимпийском чемпионате страны, и уходили от всех, как хотели.

«По ходу яхты, по всему я чувствовал, — рассказывает Пинегин, — что мы идем вровень со Страулино. Великий Страулино был силен в Неаполе, как никогда, — это был его родной город, его залив, все ветры и течения которого он знал с детства. Главными соперниками Страулино считались американец Уильям Паркс, багамец Дьюард Ноулз, португалец Марио Кина. Обо мне продолжали говорить лишь как о гонщике сильного ветра, и я всячески укреплял это мнение: и беседуя с журналистами, и на воде, в прикидках с некоторыми будущими соперниками. Я хотел, чтобы в первых гонках меня не принимали всерьез. Хотел иметь свободу маневра».

Как рассказать об олимпийском триумфе Пинегина? Сам он, анализируя гонку, обратился к сугубо парусному языку: «Мы увалились... привелись... галфинд... крутой бейдевинд...» Будет рисовать схемы для пояснения. Я стремился до сих пор, помня о размерах этой публикации, не углубляться особенно во всяческие парусные премудрости, поэтому и сейчас ограничусь лишь описанием нескольких психологических ситуаций.

Когда Пинегин и Шутков выиграли начальную гонку — на первой лавировке им действительно никто не мешал — это сочли случайностью. Но после второй гонки, в которой перед ними финишировал лишь багамец Ноулз, к ним стали всерьез присматриваться...

«В третьей гонке, — рассказывает Пинегин, — португалец Кина пытался меня прихватить. Проверял, как мы бу-

дем действовать при плотной опеке. И понял, что тут и сам можешь сильно обжечься. Если против тебя новичок, то можешь играть с ним, как кошка с мышкой. А тут Кина увидел, что — ой-ой-ой! — пятьдесят на пятьдесят...»

В третьей гонке, удачно использовав изменение ветра, Пинегин вновь фипишировал первым (чувство ветра — одно из главных достоинств рулевого Пинегина). От перевозбуждения он лишился сна, и Шутков отсыпался теперь за двоих. Дни по-прежнему стояли жаркие, солнечные, и по-прежнему надо было постоянно искать ветер.

В ожидании старта четвертой гонки Кина стал откровенно искать инцидента с нашей яхтой, но, едва Пинегин ушел от португальца, его стал преследовать Ноулз. Избавляясь от Ноулза, Пинегин оказался в таком положении, что начал гонку позже других. В дальнейшем, однако, он отделился от основной группы яхт и нашел все-таки самый короткий путь к финишу.

Перед перерывом в состязаниях — в Неаполе яхтсмены отдыхали три дня — Пинегин и Шутков уверенно захватили лидерство. В те три дня Пинегин осматривал Помпеи, Везувий, Капри и отсыпался. После пятой гонки, в которой наша яхта фипишировала третьей, они практически уже были недосыгаемы.

Победил в этой гонке, наконец, Страулино. Он дважды выигрывал в Неаполитанском заливе чемпионаты мира, но вот на этот раз... Да и победы в пятой гонке, которая позволяла ему надеяться хотя бы на «бронзу», Страулино едва не лишился. Американец Паркс подал протест, утверждая, что на первом круге у верхнего знака Страулино задел гротом красцицу его яхты. Узнав об этом, Пинегин и Шутков пришли на разбирательство свидетельствовать в пользу Страулино — их яхта в тот момент была рядом. А Ноулз, главный свидетель американца, почему-то не явился, и Паркс взял свой протест назад. Сдержанный, знающий себе цену, майор Страулино при встречах с Пинегиным и Шутковым был теперь необычайно радужен. Что же касается Карло Роланди — этот известный неаполитанский адвокат и яхтсмен ходил тогда у Страулино матросом, — то его дружба с Пинегиным длится и по сей день.

А в седьмую — последнюю — гонку в Неаполе Тимпр Пинегин и Федор Шутков шли уже олимпийскими чемпионами. И не без сожаления наблюдали, как Страулино

и Роланди начали гонку излишне рискованно и упустили даже бронзовую медаль.

Оценивая победу Пинегина, Уильям Паркс скажет, что тот всегда был в пужное время в пужном месте.

Олимпийский огонь в Неаполе был погашен, и Пинегин с Шутковым уехали в Рим. После «Мажестика», роскошного неаполитанского отеля, олимпийская деревня в Риме у Пинегина восторга не вызвала — огороженная, охраняемая полицейскими... Нет, более шумной славе Власова или Шавлакадзе, допустим, он не завидовал. Самоутверждаться под крик толпы? Он привык, как всякий яхтсмен, делать свое дело вдали от зрителей. Да такого понятия — парусный болельщик — практически и не существует. С берега трудно увидеть, что происходит на дистанции гонки, поэтому на берегу собираются обычно лишь родственники да знакомые. На олимпийских регатах в море выходят специальные корабли с телекамерами, но даже всемогущее телевидение не знает пока, как подступиться к парусным гонкам — сделать их массовым зрелищем.

А возвратившись в Москву и то тут, то там выступая с одним и тем же рассказом — о победе на Олимпийской регате, — Пинегин однажды почувствовал, что находится на грани нервного истощения, и, захватив с собой жену и маленькую дочку, уехал на два месяца в альплагерь «Алибек». В горах было снежно, спокойно.

1964 г., Токно, XVIII Олимпийские игры

Класс «Звездный»

1. Д. Ноулз (Багамские острова)
2. Р. Стирнс (США)
3. П. Петерсон (Швеция)

«Скип Этчел вышел вперед. Плотной группой за ним шли другие американцы. Я попытался обогнать Этчела с наветрия, но он не пустил меня. Тогда я ушел ему под корму, что равносильно обычно стопроцентному проигрышу, и он решил, что у меня не выдержали нервы, сбросил меня со счета. А я резко ушел вправо, нашел ветер, повернул и пошел четко — далеко впереди Этчела. Американцы совершенно обалдели: за счет чего у меня такой ход...»

Пинегин рассказывает эпизод, который произошел в одной из гонок на чемпионате мира 1962 года в португальском городе Каскайсе. Там было 15 американских яхт. И каждый из американцев имел достаточно оснований считать себя гонщиком не менее классным, чем самый имени-

тый европеец. К тому же «Торнадо» Пинегина резонно казалась американцам яхтой уже «уставшей», да и не самой современной. Этчел строил теперь на верфи «Олд Гринвич» яхты, корпуса которых были покрыты тонким слоем пластика.

Пинегин выступал в Каскайсе неровно (в начальной гонке был первым, затем — тридцатым...) и занял общее восьмое место. Но в открытом море на большой волне «уставшая» «Торнадо» демонстрировала ход, неведомый американцам.

«В те годы, — рассказывает Пинегин, — экипаж «Звездника», открепивая, лежал на борту. Но когда рулевой лежит, ему приходится выворачивать шею, чтобы все видеть. И я сидел, а ногу — под шкот, который идет через блок. Когда надо, повисал на этой ноге. А Федя висел за бортом. Висел глубоко вниз, лишь на одной ноге и на одной руке. Человек вроде бы так не может висеть на яхте — упадет в море. А Федя висел сколько надо. Судьи заподозрили было, что мы ремнями привязываемся, даже искали на яхте эти ремни после финиша...»

Помните, в Австралии американцы брали большим весом? Но Шутков за весом не гнался — брал другим.

«После гонки, — рассказывает Шутков, — мышцы были, конечно, деревянные. Дубели. Но помнешь, помнешь, ночь проспичь — вроде полегче. Пошел наутро и снова повис. Втянулся. Американские матросы на берегу просили — покажи, как делаешь. И я совершенно свободно — отпускал даже руку — висел на одной ноге. Хоть час! А на спор мог провисеть и больше. Американцев же, хоть ребята они и здоровые, лишь минут на пять хватало. Понятное дело — коленку выворачивает, ногу сводит, если нет привычки...»

За победу в первой гонке чемпионата мира Пинегину была вручена в Каскайсе серебряная ваза — американцы впервые расстались с этим почетным призом. А Шутков как лучший шкотовый удостоился приза Мэри Этчел (в 1951 году, когда Мэри ходила у своего мужа матросом, они выиграли чемпионат мира). Сам Шутков, впрочем, никогда не пошел бы в гонку вместе с женщиной — он свято верит в стародавние морские приметы.

Парусная регата Токийской олимпиады проводилась в заливе Сагами к югу от Токио. Яхт-клуб был расположен на крошечном островке Еносима, а жили яхтсмены на побережье в фешенебельном отеле «Ойсо-бич».

В то лето Пинегин и Шутков выиграли на «Торнадо» европейский чемпионат в Марселе, а на олимпийской регате решили уже гоняться на «Тайфуне» — новая их яхта была также построена на верфи «Олд Гринвич». Тонкий слой пластика, которым был покрыт корпус яхты, предохранял дерево от повреждений.

После двух гонок, имея одно первое и одно второе место, Пинегин решительно захватил лидерство. Перед третьей гонкой из Токио приехал представитель руководства нашей олимпийской команды и провел летучку, на которой говорил, что в других видах спорта мы выступаем пока не очень удачно, и он ждет, что парусники отличатся — уже завтра...

«Мы шли первыми,— рассказывает Пинегин,— опережая американца Стирнса, который шел за нами метров на шестьсот. Нам оставалось идти всего метров двести до знака и — на финиш. И тут порыв ветра, на всякий случай надо было немного ослабить шкоты, но мы форсировали ход парусами, чтобы еще увеличить отрыв — так заведены были этой накачкой,— и мачта не выдержала — развалилась...»

«Дуло здорово,— рассказывает Шутков.— И как мы шли! Как откренивали! Что случилось, спрашиваешь? Жадность фрайера сгубила... Упавшей мачтой мне рассекло руку. Кровищи на палубе, будто поросенка зарезали. А я сижу и плачу... Золото было в кармане...»

«Настроение было жуткое,— рассказывает Пинегин,— и не потому даже, что гонку отдали — на олимпийских регатах худшая гонка отбрасывается, зачет идет по шести лучшим,— а потому, что знали — равноценной мачты нет. Когда «Тайфун» к нам везли, в Гамбурге сломали запасную мачту. Мы были в это время в Баку на соревнованиях, и в Спорткомитете по неведению согласились взять немецкую мачту взамен сломанной американской.

Поставили мы запасную мачту быстро, а пока привыкали к ней — тут и Олимпиада закончилась. В дни отдыха нас к Фудзияме возили, но я был в шоке — ничего не видел. Все мысли были об этой злосчастной аварии. В той третьей гонке, кстати, Шелковников на «Летучем голландце» тоже с большим отрывом лидировал и тоже перефорсировал парусами, и у него руль отлетел под нагрузкой...

После аварии я мог делать ставку лишь на случайность. Новая мачта не давала пужлой скорости. Вот мы и заняли пятое место».

А уже совсем пемолодой багамец Дьюард Ноулз расквитался в Токио, наконец, с судьбой. Еще на олимпийской регате 1948 года он имел четыре первых места и... тоже сломал мачту. С возрастом у Ноулза стали трескаться на ветру губы, и он их густо смазывал белым кремом. В гонке он так яростно выкрикивал своему матросу команды, что Пинегину казалось: у Ноулза на губах пена. А Шутков говорил мне: «Черный сам, а губы белые. Интересно».

1968 г., Акапулько, XIX Олимпийские игры

Класс «Звездный»

1. Л. Норт (США)

2. П. Лунде (Норвегия)

3. Ф. Ковалло (Италия)

Величайшим яхтсменом Тимир Пинегин считает датчанина Пауля (Поля) Эльвстрема. Он четырежды побеждал на олимпийских регатах, выступая на шверботах-одиночках. Токийскую олимпиаду Эльвстрем пропустил, а затем начал гоняться и на «Звезднике»...

«У Эльвстрема довольно простецкая физиономия, — рассказывает Пинегин. — Эльвстрем — гонщик от бога. Никакого образования он не получил и до всего дошел своим умом. Хозяин, у которого он, совсем молодым, тесал камни, посадил его однажды на свою яхту — выхаживать паруса. Это было еще в эпоху хлопчатобумажных парусов. Чтобы такой парус приобрел форму, надо было сто часов походить на нем при несильном ветре в солнечную погоду. За эти сто часов Эльвстрем выходил не только парус, но и решение стать гонщиком.

Помню, как поразило меня архитектурное решение здания верфи Эльвстрема в Коккедале. Я спросил: «А кто автор проекта?» Мне говорят: «Все придумал и парисовал сам Поле». Он одарен всесторонне. За что ни берется, во всем находит новые грани.

В 1967 году на чемпионате мира в Копенгагене я гонялся с Эльвстремом. И в первой же гонке — от старта до финиша — мы с ним боролись за первое место. Он шел все время немного впереди, а я вплотную за ним. Но перед финишем я его все-таки обошел...»

Шутков любит вспомнить, как тогда на финише они шли нос в нос, а он лежал на палубе, держа шкот, и за долю секунды до финиша отпустил шкот, и «Тайфун» был первым принят на финиш — по парусу! «Я жестоко Эль-

встрема купил,— вспоминает Шутков.— Как он бил кулаком по палубе!»

«Эльвстрем был очень огорчен, проиграв эту гонку,— продолжает Пинегин.— Предыдущий чемпионат мира он выиграл. И теперь, выступая дома... Я удерживал лидерство до последней гонки, на старте которой группа американцев — у них было 16 яхт!— крепко взялись и за меня и за Эльвстрема, стремясь помочь своему лидеру. Но скандинавы, в свою очередь, блокировали американцев, которые мешали Эльвстрему, и, в конечном счете, он выиграл гонку. В этой ситуации, чтобы стать чемпионом мира, мне достаточно было прийти двенадцатым... Но когда много теряешь на старте и чистым ходом уже ничего сделать не можешь, то идешь на крайне рискованный вариант и порой проигрываешь еще больше. Я был на финише лишь двадцатым...»

Летом шестьдесят восьмого года на первенстве Европы в Неаполе Пинегин, пожалуй, впервые в жизни не рвался выигрывать каждую гонку, не рисковал, стремясь лишь наверняка попасть в первую пятерку, что гарантировало ему участие в предстоящей Олимпиаде.

Парусная регата XIX Олимпийских игр проводилась на рейде Акапулько. Этот модный курортный город расположен на Тихоокеанском побережье Мексики. «Тайфун» был погружен в Неаполе на английское судно, которое должно было доставить яхту в Веракрус — в мексиканский порт на Атлантическом побережье.

Прилетев в Акапулько, Тимир Пинегин и его тренер Леонар Митницкий день за днем звонили в Веракрус. Им отвечали, что «Тайфун» все еще в пути — яхту завезли почему-то в Вепесуэлу, потом (по-прежнему, как попутный груз!) она оказалась на Ямайке...

«Я взял катер с мощным подвесным мотором,— рассказывает Пинегин,— и подбуксировывал ребят в район дистанции, а заодно смотрел ее. Пытался хоть как-то представить ветра и течения в этом районе океана.

Я понял, что можно рехнуться, если просто ждать яхту. Занялся кичосъемкой — у меня была старенькая камера, подводной охотой. Ласты и маску купил, а ружье взял напрокат. Потом взял напрокат снасти для глубинного лова...

Так прошло двадцать дней, а когда осталась неделя, решил искать себе яхту в Акапулько. По одной лишней яхте было у мексиканцев и американцев. Это были уже целиком

пластиковые яхты — новинка широко известной верфи «Липпинкотт». Из американцев в Акапулько приехал Лоуэл Норт, под парусами которого я ходил уже много лет. Узнав о моих бедах, он сказал: «Боже мой! Никаких проблем! Завтра же бери». Но эта запасная яхта, которую мне обещал Норт, принадлежала не ему, а военно-морскому флоту США. И через несколько дней Норт смущенно сказал, что они запрашивали Сан-Диего; базу своего Тихоокеанского флота, но получили отказ... Мексиканцы, правда, готовы были отдать одну из двух своих яхт, но их тренер никак не мог решить, на какой из них они пойдут сами...»

Тогда Митницкий позвонил президенту Мексики Диасу Ордасу, и мексиканский тренер получил из президентской канцелярии указание немедленно отдать русским одну яхту. Но тут пришло известие: «Тайфун» прибыл, наконец, в Веракрус.

«Примчался большой грузовик с нашей яхтой, — рассказывает Пинегин. — Мы кинулись сгружать ее, мыть, чистить, вооружать. Вся команда помогала нам с Федей. И в последнюю минуту успели предъявить яхту к обмеру. И так же судорожно спешили спустить ее на воду — это было положено сделать к определенному часу. Спустили на воду, расчалили, вымыли, и завтра — первая гонка. Хоть раз выйти на дистанцию так и не успели.

Двадцать дней я болтался на катере в районе дистанции, но с катера видишь одно, а с яхты — другое. Плохо, очень плохо гонялись мы. Куда ни пойду — все не туда. Я был полностью, еще до гонок, сломлен морально».

«Все перегорело внутри, — подтверждает Шутков. — Пытались что-то сделать, но ничего не получилось».

Еще за год до олимпийской регаты в Акапулько Эльвстрем говорил Митницкому, что если сам он решит гоняться на «Финне», то в «Звездном» классе победит или Норт или Пинегин, а если он выберет «Звездник», то на «Финне» скорее всего победит Валентин Манкин. Эльвстрем гонялся в Акапулько на «Звезднике», но без привычного успеха. Словом, пятикратным олимпийским чемпионом не стал. А в остальном оказался прав. На «Звезднике» победил Норт, а на «Финне» — наш Манкин.

Еще в Неаполе таллинец Александр Чучелов выиграл на швертботе-одиночке класса «Финн» серебряную медаль. Киевлянин Валентин Манкин, который выступал на «Финне» в Акапулько, был недотягивал уже перед последней гонкой. Но он пошел и в последнюю гонку и так от всех

оторвался, что оказался в море совсем один — вокруг лишь носились играя дельфины...

1972 г., Киль, XX Олимпийские игры

К л а с с «З в е з д н ы й»

1. Д. Форбес (Австралия)
2. П. Петерсон (Швеция)
3. В. Кувайде (ФРГ)

К л а с с «Т е м п е с т»

1. В. Манкин (СССР)
2. А. Уоррен (Великобритания)
3. Г. Форстер (США)

В программу олимпийской регаты в Киле были включены гонки на яхте-тройке класса «Солинг» и на яхте-двойке класса «Темпест». Такие старые олимпийские классы, как «Дракон» и «Звездный», выставлялись в Киле как бы на конкурс — в программе олимпийской регаты 1976 года должна была сохраниться лишь одна яхта-тройка и одна яхта-двойка.

Шуткова злило, что хотят угробить «Звездника», и он не мог видеть «Темпест», называя его утюгом. А к «Солингу» Шуткову пришлось привыкать — Пинегин решил пересесть на «Солинг», и Шутков последовал за своим рулевым. Вторым матросом в этот экипаж вошел Борис Галимов. Но ближе к Олимпиаде Шутков вновь пересел на «Звездник» — стал ходить с рулевым Борисом Будниковым.

Да, Пинегин и Шутков, которые на яхте психовали друг друга без слов, все же расстались. Каждый из них объясняет это по-своему. Но вправе ли я сейчас публично анализировать их взаимные претензии? Тем более что расставались они — внешне, во всяком случае, — без всякого драматизма. Закончился сезон семидесятого года, и матрос Будникова Валентин Замотайкин перешел в экипаж к Пинегину, а Шутков — к Будникову.

Борис Будников также вырос на Клязьминском водохранилище. Он старательно учился у «профессора» — так он именует Пинегина. Да и Пинегин всячески опекал Будникова, стремясь, чтобы его одноклубник был в «Звездном» классе вторым в стране. И теперь, гоняясь с таким матросом, как Шутков, Будников видел себя уже участником олимпийской регаты.

А выступать в Киле на «Темпесте» готовился олимпийский чемпион Валентин Манкин.

Сравнивая Манкина с Пинегиным, убеждаешься, что это совсем иной тип чемпиона. Помните, как Пинегин, восхищаясь Эльвстремом, подчеркивал, что это гонщик от бога, что во всем видит новые грани — так широко одарен. Эльвстрем и для Манкина — эталон гонщика (ведь как раз на «Финне», на котором добился признания Манкин, Эльвстрем трижды побеждал на олимпийских регатах!). Но Манкин, оценивая Эльвстрема, делает упор на другое: «Он работал больше, чем кто-либо в мире. Талант его в том, что он знал, чего стремится достигнуть. И всего достиг». Сам Манкин готов тренироваться круглосуточно, при любой температуре воды. «Мой конек, — говорит он, — объем работы».

Пинегин зимой азартно и не без успеха занимался буером, горными лыжами, а позднее просто уезжал в альп-лагерь, чтобы со свежей головой возвратиться весной к воде. Манкин же не забывает о парусе даже во сне. День, прожитый не на воде, для него потерянный. А что горы? В горах нельзя поплавать...

Оба они, конечно, крайне честолюбивы. Но сдержанный, немногословный Пинегин не лишен самоиронии. А у Манкина, о чем бы он ни говорил, читаешь в глазах одно: «Хочу быть первым!» Он рассказывал мне, что когда еще только начинал заниматься парусом, записал в дневник такую мечту: выиграть отборочные соревнования землян для участия в межплаветных соревнованиях! Он может забыть, как победил, но никогда не забудет, как проиграл. Он признается: «С детства не могу видеть, чтобы-то спина — впереди»!

На торжественном открытии олимпийской регаты в Киле знамя нашей делегации, как всегда, нес Федор Шутков. Это была уже его шестая олимпийская регата! Шуткову исполнилось 48 лет, но он верил, что еще находится в расцвете сил и его хватит и на следующую Олимпиаду.

А Будников, которому Шутков помог выиграть отборочные предолимпийские соревнования в стране, вдруг усомнился: не скажется ли возраст Шуткова, если в Киле будет здорово дуть? Запасным в нашей команде был известный рулевой Владимир Васильев. Он славился и как яхтостроитель: построил в Ленинграде ряд отменных «Звездиков». Был весьма атлетичен. Если Васильев заменит Шуткова, думал Будников, сложится такой экипаж... Тренерский совет — уже в Киле — внял доводам

Будникова. Но сказать обо всем этом Шуткову Будников решился лишь в последнюю минуту...

«Я так подготовил яхту, и тут он мне нанес этот удар,— рассказывает Шутков.— На войне такого удара не получал — там пули свистели, но привыкаешь, втягиваешься... Хожу я, хожу, а начну разговаривать — слезы льются, как у ребенка. Потом ребята, знакомые старые, взяли на катер, который дистанцию охранял. Ходил в море, смотрел...»

«Шел бы я с Федей, лучше было бы,— рассказывает Будников.— Федя матрос до мозга костей. А так что получилось? Два генерала в лодке. Каждый имел свое мнение как тактически строить гонку. Я свою точку зрения проводил твердо только до первой ошибки, а в дальнейшем подчинялся невольно его мнению. Васильев старше меня, опытней, он с Пинегиным конкурировал, а я как-то из-за спины у него выпрыгнул... И ожидаемого усиления ветра не было... Мы заняли девятое место. И мне оставалось лишь вспоминать, как хорошо мы с Федей ходили. Год прошел, пока он стал со мной снова здороваться...»

Манкин же в автобиографической книге «Белый угольник» («Молодая гвардия», 1976, серия «Спорт и личность») не скрывает, что борьба за победу в Киле осложнялась тем, что у него были очень напряженные отношения со своим матросом Виталием Дырдырой. Манкин говорил мне, что, к сожалению, ему не удалось найти второго Шуткова... Предположим, что Пинегину повезло. Но фанатичному Манкину ведь надо было в кратчайший срок найти человека, который следовал бы за ним и на воде и на суше, как тень. А это был бы уже не Шутков. Не был таким человеком и Дырдыра — опытный рулевой, который прежде, на «Финне», соперничал с Манкиным. Тем удивительнее, что им удалось победить в Киле. «Мы благодарны были друг другу за то, что каждый сделал все возможное для победы,— говорит Манкин,— но выиграли Олимпиаду и расстались. И каждый пошел своей дорогой».

Манкин говорил также, что ему дано упиваться счастьем только в гонке, а в то мгновение, когда он гонку заканчивает, им уже овладевают заботы: как готовиться к следующей гонке, чтобы вновь выиграть... Я спросил, а как обстояло дело в Киле в тот день, когда он стал двукратным олимпийским чемпионом. «Был огорчен,— сказал Манкин,— что не сумел подготовиться так, чтобы не чу-

точку, а по-настоящему оторваться от англичанина Уоррена. Мне всегда хочется быть намного сильнее конкурентов».

А что же Пинегин на «Солинге»? Шутков, между прочим, говорил мне так: «Как мы с Тёмой расстались, и ему уже не стало светить, и мне». Пинегин быть фаталистом не склонен. Он рассказывает, что на «Солинг» пересел и Эльвстрем — мало того, взялся сам строить яхты этого класса. Пинегин, как и многие европейцы, выступал в Киле на яхте с гибким рангоутом, построенной Эльвстремом. Американцы же, которые перед самой Олимпиадой начали строить «Солинги», делая ставку на жесткий рангоут, оказались тогда мудрее. Сам Эльвстрем, ощутив, что он не у дел, даже не стал заканчивать олимпийскую регату. А Пинегин занял седьмое место.

Очередная медаль — на этот раз бронзовая — досталась нашему «Финну», на котором выступал Виктор Потапов.

1976 г., Кингстон, XXI Олимпийские игры

Класс «Темпест»

1. Й. Альбрехтсон (Швеция)
2. В. Манкин (СССР)
3. Д. Коннер (США)

На олимпийской регате в канадском городе Кингстоне англичане, добивавшиеся включения «Темпеста» в программу Олимпиад, казалось, могли быть довольны: в Кингстоне «Темпест» вытеснил «Звездник». И англичанин Уоррен, в острой борьбе уступивший в Киле Манкину, давал понять, что теперь-то уж он выиграет.

«Кингстон стоит на озере Онтарио,— рассказывает Манкин.— Студенческое общежитие, в котором мы жили, граничило с тюрьмой. Идти от яхт-клуба до дистанции было далеко. А озеро хорошее, порбистое.

Вадим Акименко, который в семьдесят третьем году стал моим матросом и с которым мы в тот же сезон, хотя он едва научился завязывать узел по-человечески, чемпионат мира выиграли, обещал мне, что будет самозабвенно готовиться к предстоящей Олимпиаде, и до этого даже не женится, по... И весил он меньше, чем надо. А у меня был лишний вес, но если бы я сбросил его, мы вообще бы ходили боком — не хватало бы веса для открена. Что говорить, я завидовал и Коннеру, и Альбрехтсону, у которых были двухметровые, стокилограммовые шкотовые. На Он-

тарио дули средние ветра, но на «Темпесте» даже в средний ветер вес шкотового очень важен.

Первую гонку мы выиграли. Потом была одна неудачная гонка. В тихий ветер мы шли хорошо, но нас настигли на финише. Лидером стал Альбрехтсон. Я шел теперь на втором месте, вплотную за ним. После пятого дня у меня уже не было шансов его обойти. В последнюю гонку он мог вообще не идти, но на мое счастье пошел. Дело в том, что я боролся за второе место с Коннером. Он был очень силен. Тренировался, как и Альбрехтсон, на крейсерских яхтах — проводил на воде сутки, недели. А я на своем «Темпесте» лишь три-четыре часа в день... Так вот, в последней гонке американец шел первым, а швед вторым. Если бы в таком порядке они финишировали — шведу было все равно, каким финишировать, — американцу досталось бы «серебро», а мне — «бронза». Мне надо было, чтобы Альбрехтсон выиграл последнюю гонку. Когда мы шли с ним рядом, то встретились взглядами, и Джонни (по-шведски-то он Йонни, но мы все зовем его Джонни) улыбнулся, давая понять: не волнуйся, дескать, мы его заделаем. И уже на втором круге обошел Коннера.

Я подружился с Джонни еще в семидесятом году на Кильской регате. Он живет близ Гетеборга, его дом стоит прямо у воды. Тут же яхта. Тренируется, когда захочет. Он многому научился, работая с Эльвстремом, — представлял в Швеции его фирму. Я у него выиграл Олимпиаду в Киле — там я был первым, а он — четвертым. А теперь он у меня выиграл в Кингстоне, а я стал вторым».

На Олимпиаде в Кингстоне Пинегин не был. (На «Солинге» выступал Будников и до последней гонки претендовал на первое место.) Он тренировал в Батуми грузинских парусников и пытался увидеть хотя бы по телевидению, что происходит в Кингстоне. И увидел однажды скудные кадры гонки катамаранов, которые комментатор называл почему-то яхтами класса «Темпест»...

Олимпийская биография «Темпеста», кстати, оказалась недолгой. В Таллине «Темпест» вновь уступит место «Звезднику». А англичанин Уоррен выступал в Кингстоне так неудачно, что, закончив последнюю гонку, облил свой «Темпест» бензином и сжег его...

Как и Манкиш, добыл в Кингстоне «серебро» гонявшийся на «Финне» Андрей Балашов.

1980 г., Таллин, XXII Олимпийские игры

Класс «Звездный»

1. В. Манкин (СССР)
2. Х. Раудашль (Австрия)
3. Д. Горла (Италия)

На первую гонку я записался на пресс-катер, плывущий на дистанцию «Чарли». Эта дистанция — круг диаметром примерно в пять километров — самая дальняя. Оранжевая «Чарли» (цвет знака дистанции — буя) находится в десяти километрах от устья реки Пирита, между островами Найсаар и Аагна и наиболее открыта ветрам. В Таллинском заливе нет сильных течений, но ветра переменчивы, коварны.

Спорт сегодня — массовое зрелище. А если вид спорта телегеничен, его героев, как и модных эстрадных певцов, знает в лицо каждый. Яхтсмены от всей этой суеты вдали. И круг почета под крик трибун, и цветы прямо под ноги, и усталая улыбка в объектив телекамеры — эти щекочущие самолюбие радости большого спорта им неведомы. Кто видит парусные гонки?

С берега мало что увидишь. А в море? Ну вот, в компании трех бывалых фоторепортеров и бесстрашной миссис Форбс — жены олимпийского чемпиона австралийца Дэвида Форбса — я вышел в море и не один час болтался у первого знака «Чарли». Когда яхты приближались к этому знаку, фоторепортеры дружно — в три голоса! — начинали клясть нашего капитана, который, не желая конфликтовать с судейским судном под оранжевым флагом, держался от знака на некотором удалении. Я же высматривал на парусах яхт, обходивших знак, их помера и торопливо искал в протоколах, кто есть кто. Но слишком скоротечны были мгновения, когда на нас наплывали яхты, и я никак не мог уловить сюжет гонки.

Вторую гонку я «смотрел» уже в олимпийском пресс-центре. Через 5—6 минут после того как яхты одного из классов огибали очередной поворотный знак, эти сведения, пропущенные уже через вычислительный центр, появлялись на экранах справочного телевидения. Сидя у гелевизора, можно было поочередно следить за тем, как развивается борьба во всех шести классах. А если добавить к этому, что оперативная информация с дистанции тут же

в сотнях экземпляров распечатывалась, то после гонки у каждого из пас была полная картина того, как прошла дистанцию любая яхта.

На этой регате Манкин вел жесткое единоборство с американцем Томасом Блакеллером, который, как тогда поговаривали, должен был представлять США на олимпийской регате. Родственные, кстати, натуры — оба, проигрывая, разъяряются и не могут скрыть этого. Поначалу у Манкина дело не ладилось, лишь в четвертой гонке он наконец-то обрел себя и финишировал уже было вторым, но шедший первым Блакеллер перекрыл ему путь, вынудив пропустить вперед итальянскую яхту. Блакеллеру не было дела до итальянца. Он просто хотел осадить Манкина, дать ему понять, что хоть он и дважды был олимпийским чемпионом, но не в «Звездном» классе. В следующей гонке, сводя счеты с Блакеллером, Манкин сам перекрыл ему все пути. В последней же гонке, в слабый ветер (это не его погода — он любит сильный ветер), Манкин, наконец, финишировал первым, и вообще вытеснил Блакеллера из призовой тройки. Манкин очень сожалеет сейчас, что из-за грязного бойкота, навязанного администрацией Картера американским спортсменам, Блакеллер не смог приехать в олимпийский Таллин, где Манкин готовился радушно встретить его и... вновь обойти на дистанции.

А на олимпийской регате Манкину пришлось выяснять отношения с еще более давним своим соперником — австрийцем Хубертом Раудашлем, с которым, еще гоняясь на «Финне», он боролся за олимпийское золото в Акапулько. Но, как и в шестьдесят восьмом году, Раудашлю досталось лишь серебро. После заключительной гонки, в которой Манкин и Раудашль неотступно ходили друг за другом, словно забыв об остальных яхтах, и наш чемпион все-таки не выпустил австрийца вперед, он сказал, что главное желание сейчас — поесть. В тот день — это было 27 июля — Манкин и Музыченко вышли в море довольно рано, долго ожидали, пока успокоится ветер, и возвратились в порт — уже олимпийскими чемпионами! — лишь около семи вечера.

Помните, было рассказано, что величайшим гонщиком Валентин Манкин считает датчанина Пауля Эльвстрема — четырехкратного олимпийского чемпиона. Так вот теперь, в истории парусного спорта он стал вплотную за легендарным Эльвстремом. И вроде бы Манкин не склонен

думать, что олимпийская регата в Таллине — его последняя олимпийская регата.

Удачно выступили в Таллине и другие наши яхтсмены: Борис Будников на «Солниге» завоевал серебряную медаль, а Андрей Потапов на «Финне» — бронзовую.

Три гоночные дистанции Таллинского залива, каждая из которых предназначена для яхт двух олимпийских классов, названы традиционно: «Альфа», «Браво» и «Чарли». На последней дистанции предстояло стартовать Валентину Манкину, который, расставшись с «Темпестом», пересел на «Звездник», и бывлой финнист Виктор Потапов, который, гоняясь теперь на «Торнадо», уже побеждал и на чемпионате мира.

За те четыре года, пока «Звездник» отсутствовал в олимпийской программе, наш «Звездный флот» основательно разоружился. Но у Манкина, во всяком случае, пластиковая яхта самой последней модели. Этот «Звездник», как и все свои прежние яхты (всех классов!), он называл «Эскимо». Сладкие воспоминания детства...

У Манкина новый шкотовый — Александр Музыченко. Ему 25 лет, уже ходил на «Темпесте». Неужели Манкин нашел, наконец, такого матроса, которому не придется напоминать, как следует жить и работать, чтобы достичь его, трехкратного чемпиона Олимпийских игр, уровня? Манкин заверял меня, что, во всяком случае, не сомневается, что уж Музыченко-то до Таллина не жевится.

На манкинском «Звезднике» можно часто увидеть Шуткова, который растолковывает что-то его молодому матросу. Федор Шутков не расстался со сборной страны. Когда наши парусники отправляются на очередную европейскую регату, Шутков садится за руль и везет яхты: надо — во Францию, а надо — и в Португалию... Он предпочитает автобаны, но без труда сориентируется («Язык? На пальцах быстрее сообразишь») на любом европейском перекрестке. Наши сегодняшние гонщики порой даже завидуют, видя, с каким почетом «старые ребята» встречаются во всех яхт-клубах Шуткова. Он считает себя человеком счастливым: и на войне выжил, и олимпийским чемпионом стал, и много где побывал. Не мешало бы, конечно, вокруг шарика под парусами еще мотануть... Да и Пинегин до сих пор не оставил эту идею и готов мотануть вокруг шарика хоть коком...

Манкин же чувствует себя на «Звезднике» не хуже, чем в свое время на «Финне» или на «Темпесте». Ему нравятся громадные паруса «Звездника», которые не уменьшишь в штормовую погоду, и надо в открытую сражаться с ветром и волнами. И конечно, ему нравилось, что олимпийский дебют на «Звезднике» состоится в Таллине, где в свое время и началось его знакомство с морем.

Парусные традиции Таллина восходят к началу прошлого века: уже в 1820 году здесь существовал «Орден отважных и смелых». Чтобы быть принятым в почетные члены этого ордена, сообщают историк, следовало непременно выпить чашу морской воды. А в последние десятилетия Таллин прочно утвердился как один из ведущих парусных центров нашей страны. И все же город вряд ли бы смог претендовать на проведение олимпийской регаты (у Таллина были достойные соперники среди портовых городов страны), если бы устье Пириты не было всерьез изучено и уже подготовлено для сооружения новой гавани.

В конце 50-х годов глава парусной секции Таллинского политехнического института Сулев Роосма уже реально представил славное будущее Пириты — здесь есть все условия, чтобы сделать лучшую в Эстонии спортивную гавань. Объединив энтузиастов, Роосма конструирует уникальный земснаряд и начинает (на общественных началах!) углублять и преобразовывать устье Пириты. Сейчас известный гидростроитель Сулев Роосма признан одним из создателей олимпийской гавани, но было время, когда он, как кубинский «барбудос», поклялся не бриться, пока не добьется своей цели.

Тимир Пинегип — ближайший друг Роосмы — горделиво показывал мне большое судно, стоящее в олимпийской гавани, из необъятного трюма которого выкатывали на тележках яхты зарубежных участников прошлогодней Балтийской регаты. В олимпийскую гавань Неаполя, по словам Пинегипа, или, допустим, Килиа такой грузовой «роро» войти не мог, и яхты, пока их перегружали в пути, могли получить повреждения.

Впечатляющая размерами своих двух бассейнов (750 мест для яхт и вспомогательного флота!), падежным и лаконичным архитектурным решением, гавань Пирита — визитная карточка нашего Олимпийского парусного центра.

Когда в конце прошлого лета на торжественном откры-

тии XXXI Балтийской регаты, которая стала генеральной репетицией олимпийской регаты, 456 яхтсменов из 27 стран выстроились на церемониальной площади Олимпийского парусного центра, это было колоритное зрелище. Седобровые джентльмены рядом с совсем молодыми людьми. Смешливая девушка, которая вдруг затесалась в эту компанию (она оказалась матросом со швертбота класса «470»), стояла с американским флагом. Некий австралиец взирал на предстоящих соперников через монокль...

ПЯТЬ ТРУДНЫХ ШАГОВ НА ОЛИМП

«Мы можем переплыть океан, скакать верхом на лошадях дольше миль, фехтовать не хуже д'Артаньяна, стрелять так же метко, как Вильгельм Телль, и бежать, не зная усталости» — так шутливо говорят о своих возможностях представители сложнейшего вида спорта, именуемого современным пятиборьем. С легкой руки журналистов пятиборцев обычно называют рыцарями пяти качеств. Но кто подсчитывал, сколькими качествами на самом деле необходимо обладать спортсмену, чтобы стать хорошим пятиборцем? Ведь современное пятиборье включает в себя труднейшие упражнения, требующие проявления разнообразных качеств, подчас противоположных: конкур, фехтование на шпагах на один укол, скоростную стрельбу из малокалиберного пистолета, плавание на дистанцию 300 м вольным стилем и, наконец, 4-километровый легкоатлетический кросс. И если спортсмен, специализирующийся в каком-то одном виде спорта, должен быть всесторонне развит, то что тогда говорить о пятиборцах.

И дело не только в сложности сочетания таких, казалось бы, несовместимых дисциплин, как, скажем, фехтование и плавание, бег и стрельба, но и в условиях соревнований пятиборцев. Судите сами: если спортсмен-конник выступает в соревнованиях на лошади, которую сам готовит, то пятиборец получает лошадь по жребию за 25 минут до старта. За этот короткий срок нужно успеть распознать ее повадки, особенности характера, показать ей, что и ты достаточно умен и тверд и не позволишь шутить с собой. Далеко не всегда это предстартовое знакомство кончается благополучно.

А фехтование на один укол? Потеря! У «чистого» фехтовальщика есть своего рода лимит ошибок, заключающий-

ся в формуле боя на пять уколов и даже на десять. У пятиборца же такого лимита нет. Одно неверное движение — и ты проиграл. По правилам соревнований каждый спортсмен должен встретиться в поединке со всеми участниками. Фехтовальный марафон длится 10—12 часов. И сколько на этом пути его ждет случайностей!

Наконец, стрельба. Три секунды на каждый из двадцати выстрелов. Стремительно разворачиваются мишени, застывают на мгновение. Нужно вскинуть руку с пистолетом, точно прицелиться, плавно нажать на курок. И ни разу не дрогнуть, не опоздать... Нет, не зря первые три дня турнира по современному пятиборью, в которые спортсмены выясняют отношения в копье, фехтовании и стрельбе, сравнивают с плаванием среди опасных рифов в бурном море. Нелегко здесь избежать крушений... Но разговор о них еще впереди: вся история современного пятиборья, в том числе и олимпийская, соткана из таких крушений...

Если речь зашла об истории, то отметим и первую дату... 708 год до новой эры. Именно в том году в программу древнегреческих Олимпийских игр был включен пентатлон — комплекс, состоящий из пяти упражнений: бега на две стадии (по некоторым источникам — на пять), метания копья и дротика (у ряда авторов — копья и диска), прыжка в длину и борьбы.

Пентатлон без сомнений был современным пятиборьем древнего мира... Греческая фаланга идет в бой. Смертоносным роем уносятся в сторону врага легкие дротики. Дистанция сокращается, и тяжелые копья со свистом рассекают воздух... Остается совсем немного. Туча пыли поднимается над фалангой, когда воины с мерной поступью переходят на бег. И вот он враг. Рядом. Последний прыжок, рукопашная... Борьба, наградой в которой победителю служил не лавровый венок чемпиона, а сама жпадь!

Минували столетия. Возродились Олимпийские игры. Их основатель Пьер де Кубертен предложил включить в программу соревнований вид спорта, который бы, как пентатлон в Древней Греции, наиболее полно раскрывал идею всестороннего физического развития современного человека. Однако такого вида спорта не существовало. Тогда Кубертен сам придумал составляющие его упражнения и сформулировал условия борьбы. Конгресс МОКа накануне Олимпийских игр 1912 года включил современное пяти-

борьбе в программу Игр в качестве обязательной дисциплины.

Одновременно родилась и современная легенда... Офицер связывает приказ срочно доставить важный пакет в штаб. Вокруг кипит бой. Рвутся снаряды, мечутся люди и перепуганные лошади. Офицер ловит одну из них, вскакивает в седло и мчит во весь опор по изрытому траншеями и воронкам полю. Осколок сражает лошадь. Всадник падает. Неприятельский офицер бросается на него с обнаженной шпагой. Дуэль. Наш герой берет верх. Путь свободен! Но нет, появляется патруль врага. Пятеро на одного. Офицер выхватывает пистолет. В нем пять патронов. Единственный промах — и все кончено. Но офицер стреляет без промаха. Теперь вперед! Но впереди река. Не задумываясь, бросается смельчак в холодную воду, вплавь добирается до другого берега и дальше пускается в путь бегом...

Естественно, вначале современное пятиборье особой популярностью пользовалось в армии, и выступать на Олимпийских играх в этом виде спорта имели право только офицеры. Лишь перед Лондонской олимпиадой 1948 года современное пятиборье сняло военный мундир, и доступ к нему получили гражданские лица.

В то уже далекие годы законодателями мод в современном пятиборье были шведы. Они неизменно побеждали на всех Олимпиадах, кроме Игр 1936 года.

1912 г., Стокгольм	— Г. Лильенхок (Швеция)
1920 г., Антверпен	— Г. Дюрссен (Швеция)
1924 г., Париж	— Б. Линдман (Швеция)
1928 г., Амстердам	— С. Тофельт (Швеция)
1932 г., Лос-Анджелес	— Ю. Оксеншерна (Швеция)
1936 г., Берлин	— Г. Хандрик (Германия)
1948 г., Лондон	— В. Грутт (Швеция)

Для наших пятиборцев, как и для всех советских спортсменов, отсчет олимпийской истории начался с Хельсинки весной 1952 года. Никто толком не знал, кто наиболее приспособлен для занятий этим видом спорта. Фехтовальщики утверждали, что пятиборец прежде всего должен быть... фехтовальщиком, конники — конником, стрелки — стрелком. Жизнь разрешила этот спор. В те годы в стране были очень популярны соревнования по многоборью ГТО. Их участники, естественно, лучшие среди лучших, умели хорошо плавать, бегать, стрелять. Они быстро доказали

спортсменам преимущества всесторонней подготовки и получили право готовиться к Олимпийским играм. Среди них оказались и Игорь Новиков, и Павел Ракитянский, и Александр Дехаев, и Константин Сальников — будущие участники хельсинкских баталлий.

Готовиться начали с весны 1952 года. В первую очередь предстояло научиться ездить верхом и фехтовать — для подавляющего большинства участников первого предолимпийского сбора предметы совершенно незнакомые.

Особенно трудно приходилось Новикову. Высокий, атлетически сложенный, он не был создан для конного спорта. На первом же занятии он услышал, как кто-то из тренеров, подбадривая новобранцев от пятиборья, сказал: «Не расстраивайся, еще тридцать раз упадешь, прежде чем научишься как следует сидеть в седле...» На том же занятии Новиков поспешил выполнить норму... Он падал, получал травмы, набивал сняжки и шишки, но тем не менее упрямо постигал премудрости верховой езды. Его видели в манеже и рано утром, и поздно вечером. А нужно было еще находить время для фехтования, стрельбы, плавания, бега...

Автобус для пятиборцев... В предраусветной мгле на первую тренировку, в ночной — на последнюю... Дехаев — неразлучный с учебником физики, в котором он, казалось, пытался найти ответы на все вопросы, поставленные жизнью... Ракитянский — легко возбудимый, азартный, нервный — всегда с томиком И. Ильфа и Е. Петрова в руках. В особо трудные минуты, после второй или третьей тренировки, когда все в изнеможении валялись на сиденья, Ракитянский вдруг громогласно вопрошал:

— А что, отец, певесты в городе есть?..

После этого начиналось чтение вслух одной из глав «Двенадцати стульев» или «Золотого тельца», пока в автобусе не воцарялось всеобщее веселье. Итогом было обычно чье-нибудь предложение:

— А не завернуть ли нам, ребята, в тир пострелять? Может, успеем до ужина?

И все же, как ни самоотверженно тренировались наши пятиборцы перед Хельсинки, набраться необходимого опыта они не успели. Это обстоятельство не замедлило сказаться в первые же дни олимпийского турнира.

Лошадей для кросса (в ту пору еще не было конкура) организаторы подготовили очень хорошо. В истории Хельсинкской олимпиады остался едва ли не анекдотический случай: один из незадачливых всадников вывалился из

седла, а лошадь его честно проскакала 5 км до финиша, без ошибок преодолев все препятствия. Но наши пятиборцы выступили в кроссе посредственно. В 1952 году действовала еще устаревшая система подсчета результатов по сумме занятых спортсменом в каждом упражнении мест. В дальнейшем современное пятиборье перейдет на так называемую очковую систему, существующую и поныне. Но это через год. На Олимпийских же играх в Хельсинки было важно в каждом из упражнений забраться в итоговом протоколе как можно выше. Так вот, лучший из наших — Ракитянский — оказался 19-м. Новиков занял 24-е место, Дежаев — 36-е.

После фехтования Новиков несколько поправил свое турнирное положение. Уже тогда наметилась его манера вести каждый поединок до последних секунд. Выжидать. Действовать только наверняка. Заставлять соперника делать на дорожке именно то, что нужно ему, Новикову. В свои 23 года Игорь проявлял самообладание, которому могли бы позавидовать и асы-мушкетеры.

Вот только один случай. Он произошел во время встречи с командой пятиборцев США. При счете 4:4 на дорожку вышли Новиков и американец Тед Мак-Артур. Последний решающий бой. Победа любого из соперников означала и победу его команды.

Новиков и Мак-Артур — лицом к лицу. Новиков теснит соперника, прижимает его к «границе» — черте, отступать за которую запрещено правилами. Развязка кажется близка. Здесь в ход поединка вмешивается судья. Рефери останавливает бой, придирчиво осматривает оружие Новикова и... забраковывает его по каким-то якобы техническим причинам. Не понравились ему и вторая шпага, и третья, и четвертая... Тем временем на дорожку выносят кресло, и Мак-Артур разваливается в нем, с интересом наблюдая за происходящим.

Наконец, Новикову надоел разыгрываемый фарс, он взял первую из забракованных шпаг, и произошло чудо: даже не осмотрев ее, арбитр буркнул: «О'кей!» Впрочем, психологическая атака на этом не кончилась. Новиков наносит американцу укол — судья его не засчитывает: будто бы Новиков в момент атаки находился за дорожкой. Еще укол. Горит сигнальная лампочка на аппарате не в пользу американца. Судья показывает жестом, что снова все неправильно: дескать, укол был нанесен в столкновении... Кончилось же все тем, что нервы в конце концов не выдер-

жали у Мак-Артура. Вновь прижатый к «границе», буквально на исходе боя, он бросился в атаку, но Нови́ков хладнокровно перехватил оружие соперника и нанес в ответ такой великолепный укол, который даже самый «слепой» судья не мог не заметить.

Новиков затем отлично проведет стрельбу — 4-й результат, точно такой же покажет в плавании. Займет 10-е место в беге и, набрав в сумме занятых мест 55 очков, окажется в одном шаге от бронзовой награды... В плавании и в беге отличилась вся наша команда, как бы определив на будущее плавательно-беговое направление советской школы современного пятиборья, которой вскоре суждено стать ведущей.

Медали же между собой разыграли швед Ларс Халл и талантливые венгерские пятиборцы Габор Бенедек и Иштван Сонди. Для наших друзей это была уже вторая Олимпиада. Боевое крещение они получили на Играх в Лондоне в 1948 году. Правда, тогда никто из венгров не претендовал на награды, но за прошедшие четыре года школа венгерского пятиборья сделала заметный шаг вперед. Пятиборцы Венгрии были и нашими первыми учителями и соперниками, накануне Олимпиады они приезжали в Москву для совместных тренировок и товарищеских соревнований... Придет время, и дуэль между пятиборцами СССР и Венгрии станет главным содержанием будущих чемпионатов мира и Олимпиад...

Личный зачет

1. Л. Халл (Швеция)	— 32
2. Г. Бенедек (Венгрия)	— 39
3. И. Сонди (Венгрия)	— 41

Командный зачет

1. Венгрия	— 166
2. Швеция	— 182
3. Финляндия	— 213

Выступление наших пятиборцев в Хельсинки не произвело впечатления на западных специалистов. Одна из швейцарских газет в ту пору писала: «Чтобы победить в современном пятиборье, русским потребуется не менее пятнадцати лет...» По иронии судьбы спустя лишь три года, именно в Швейцарии советский пятиборец Константин Сальников выигрывает чемпионат мира. А еще через год...

Едва ли не самой крупной сенсацией XVI Олимпийских игр в Мельбурне была победа сборной команды советских пятиборцев. Незапланированные золотые медали для Родины завоевали вместе с Новиковым почти никому не известные пятиборцы Александр Тарасов и Иван Дерюгин, по тем временам первоклассный пловец. К общему удивлению, чемпион мира Сальников, как и в Хельсинки, остался запасным.

Старт олимпийского турнира по современному пятиборью сложился драматично. Хозяевам Игр не удалось подготовить лошадей так же хорошо, как это сделали четыре года назад финны. Собранные наспех у частных владельцев строптивые скакуны доставили немало хлопот спортсменам. И многие уже в первый же день соревнований вынуждены были расстаться с надеждами на успех. Упал на одном из препятствий и не смог продолжать борьбу Бьер Тофельт, чемпион мира 1954 года, сын олимпийского чемпиона 1928 года Свена Тофельта. С огромными трудностями добрался до финиша сильнейший венгерский пятиборец Айтал Мольдрих. 95 очков, добытые им на трассе, окажутся крохотным вкладом в дело командного успеха. Пострадали и хозяева трассы — австралийцы, хотя всегда славились своим искусством в верховой езде.

А вот печальные итоги этого дня: восемь спортсменов из сорока получили «баранки», семь набрали в конном кроссе менее двухсот очков — это почти то же, что получить нулевую оценку. Повезло американцам — им достались лучшие лошади. Вильям Андре, Джек Даниэльс и Георг Ламберт не замедлили воспользоваться благосклонностью жребия и каждый привез свыше 1000 очков. После первого дня борьбы они и возглавили турнирную таблицу, опередив советских пятиборцев, которые заняли в конном кроссе третье место, на 562,5 очка.

Более 500 очков — громадная фора! Редко удается ее ликвидировать, тем более соперничая с такой классной командой, как сборная США. Но наши ребята не дрогнули. После фехтования они переместились на второе место, отыграв у лидера 186 очков. Дуэль в тире тоже закончилась в нашу пользу, хотя американские спортсмены отстреляли хорошо. Разрыв сократился еще на 20 очков. Плавание принесло новый успех. Особо отличился Дерюгин, который проплыл 300-метровую дистанцию за 3.46,0 — результат по тем временам для пятиборцев рекордный, за который Дерюгин получил 1070 очков...

И все же перед кроссом советские пятиборцы отставали от американцев на 256,5 очка. Никто не верил, что мы сможем отыграть такую сумму, все считали это неразрешимой для нас задачей, тем более что Андре и Ламберт были хорошими бегунами. На чемпионате мира 1954 года в Будапеште Андре показал в кроссе второй результат, выиграв у Новикова на дистанции 13 секунд. Ламберт на чемпионате мира 1955 года в Маколине (Швейцария) финишировал третьим и опять-таки с результатом на 16 секунд лучше, нежели у Новикова... «Темной лошадкой» оставался только Даниэльс. Все поздравляли американцев с победой, и они охотно принимали поздравления.

Вот тут-то и произошла сенсация. Наши спортсмены не только отыграли фору, но и добавили к ней еще 208,5 очка! И как ни старались американские атлеты, они ничего не могли поделать. А усилий было приложено много: так, например, Даниэльс упал в изнеможении перед финишем. Встал, упал снова...

В Мельбурне советские пятиборцы впервые стали олимпийскими чемпионами в командном зачете. В личном же счастье вновь улыбнулось шведскому спортсмену Халлу, который ровно выступил во всех упражнениях. Халл на сегодняшний день остается единственным пятиборцем, которому удавалось выиграть две Олимпиады.

Личный зачет

1. Л. Халл (Швеция)	— 4833
2. В. Корхонен (Финляндия)	— 4774
3. О. Манпнен (Финляндия)	— 4750

Командный зачет

1. СССР	— 13 690,5
2. США	— 13 482
3. Финляндия	— 13 185,5

Командная победа, одержанная в Мельбурне, в которой Новиков сыграл решающую роль, словно вдохнула в него новые силы. После Мельбурна он не знал себе равных на всех чемпионатах мира вплоть до Олимпийских игр в Риме. Он одерживал победу за победой, легко и красиво, и в Рим приехал фаворитом номер один. Однако золотая медаль чемпиона досталась не ему...

С радужными надеждами отправлялась в Рим и вся наша команда. Да и как могло быть иначе?! Три года подряд вместе с Новиковым успеха добивались и его товари-

щи. Превосходство всякий раз бывало столь велико, что последний и труднейший день, день легкоатлетического кросса, мог бы вполне сойти за непринужденную прогулку по дистанции, в конце которой каждого из членов сборной ожидала приятная процедура — вручение золотых наград.

Кто сегодня, не опасаясь ошибиться, возьмется объяснить, что произошло с нашими пятиборцами в Риме. Переросла ли уверенность в самоуспокоенность? Или злую шутку с нашими спортсменами сыграло их страстное желание победить? Или просто за годы триумфа они отвыкли от жесткой борьбы, от суровых законов спортивной конкуренции? Скорее всего роковую роль сыграл комплекс этих обстоятельств.

Новиков, который на чемпионатах мира набирал в фехтовании более 1000 очков, здесь закончил фехтовальный марафон со скромной для себя суммой — 839 очков! Но неудачи подстерегали его не только в фехтовании. Обычно в тире чемпион мира не «опускался» ниже результата 900 очков. В Риме он получил 860... Удивил и его товарищ по команде Ханно Сельг — великолепный стрелок: в его активе был редкий по тем (да и по нынешним) временам для пятиборцев результат — 199 из 200 возможных (1080 очков), но на сей раз пришлось ему довольствоваться 780. Ниже своих возможностей выступил в конном кроссе, фехтовании и стрельбе и Николай Татаинов...

В оставшиеся дни наметился перелом. Новиков со вторым временем заканчивает 300-метровую дистанцию вольным стилем и выигрывает кросс. Отлично выступит в этих дисциплинах вся наша команда. Но это уже не спасет положения: Новиков займет пятое место, команда — второе.

Выиграет золотую медаль дебютант венгерской команды Ференц Немет. Выиграет с весьма средними, но ровными в каждом упражнении результатами. Он получит награду, на которую с полным правом возлагали надежды Игорь Новиков и прославленный Андраш Бальцо, к тому времени уже в полный голос заявивший о себе. Получит — и исчезнет с пятиборного горизонта, а фаворитам останется лишь одно — ожидать еще четыре года.

Личный зачет

1. Ф. Немет (Венгрия)	— 5024
2. И. Надь (Венгрия)	— 4988
3. Р. Бек (США)	— 4981

Командный зачет

1. Венгрия	— 14 863
2. СССР	— 14 309
3. США	— 14 192

Для Игоря Новикова Токийская олимпиада — четвертая в его жизни — оставалась последней надеждой в достижении цели, к которой он упорно стремился на протяжении всей своей долгой спортивной карьеры. Он владел титулами четырехкратного чемпиона мира и олимпийского чемпиона в командном зачете, но в личном ни разу не поднимался в турнирной таблице выше четвертого места, и заветная мечта выиграть золотую медаль не оставляла его от Олимпиады до Олимпиады.

Бессменный капитан команды, ее лидер, он и в свои 35 лет не сдавал позиций, из года в год улучшая результаты. Единственное, что его беспокоило, — так это травма стопы, полученная еще на чемпионате мира 1959 года в Херши (США) и обострившаяся после Олимпийских игр в Риме.

К тому времени в команде произошли перемены. Место главного тренера занял Олег Чувилин. Сошли с арены прославленные ветераны: Сальников, Тарасов, Татаринцов, Дерюгин... В Токио с Новиковым выступали уже молодые спортсмены: Альберт Мокеев и Виктор Минеев — отменные пловцы и бегуны.

Стартовали наши пятиборцы неудачно. Они проиграли венгерской команде (братья Ференц и Отто Терек и Имре Надь) 100 очков в конкуре, который теперь заменил слишком сложный и тяжелый конный кросс, и 288 очков в фехтовании... Потери в этом упражнении оказались наиболее ощутимыми. Турнир в Токио собрал лишь 37 пятиборцев (в Риме, например, их было 58), и каждый бой поэтому «стоил» очень дорого — 36 очков. Уже в первом туре — во встречах внутри команды — Новиков проиграл бой Мокееву. Раздосадованный и взволнованный неудачей, он тут же проиграл еще несколько боев... А между тем Ференц Терек — хороший фехтовальщик — успешно продвигался от тура к туру. Он стал лидером, и как ни пытался Новиков его догнать, на финише соперников все же разделяли 144 очка.

Повторилась та же история, что на Олимпийских играх в Мельбурне и в Риме: Новиков — великолепный боец — оступился в своем коронном упражнении. Спустя год, на

очередном чемпионате мира, Новиков и Терек разделят первое место в фехтовании, набрав одинаковую сумму — по 1026 очков. Но это год спустя. Здесь же, в Токио, Новиков одержит на четыре победы меньше соперника, и это будет стоить ему золотой олимпийской награды.

Поединки между Новиковым и Терек, между командами СССР и Венгрии оказались в центре внимания. В первые два дня лидерство захватили венгерские пятиборцы и перед третьим видом — стрельбой — выигрывали у советских спортсменов 388 очков. Все должна была решить стрельба. Наши спортсмены отстреляли великолепно. Моксеев победил в этом упражнении, выбив 197 очков из 200 возможных (1060 очков по таблице оценок), Новиков набрал 1020. Усилия товарищей поддержал и Минеев, который показал одинаковый результат с Ференцем Терек и Надем — по 960 очков... Отто Терек не выдержал в типе психологического испытания: 460 очков — вот все, что добыл он на огневом рубеже.

Итак, судьба командной золотой награды была решена, ибо все знали, что в двух оставшихся дисциплинах — в плавании и в беге — наши пятиборцы значительно сильнее соперников из Венгрии.

Но если командный спор завершился для нас счастливо и практически досрочно, то исход отчаянной дуэли между Новиковым и Терек оставался неясным до самого конца... После стрельбы разрыв между соперниками сократился на 60 очков. Воодушевленный успехом Новиков с лучшим в своей жизни временем проплыл 300-метровую дистанцию, отыграв у Терек еще 95 очков... И все-таки перед легкоатлетическим кроссом тот оставался впереди. Чтобы победить, Новикову нужно было выиграть у него на 4-километровой кроссовой дистанции 7 секунд.

Не так уж много. Случалось, он выигрывал в кроссе у Терек, неплохого бегуна, и больше. Но накануне Олимпиады нашего лидера очень тревожила травма, и он, не желая рисковать, бежал мало и осторожно. Более милостивым оказался к сопернику и жребий, Терек стартовал позже и имел возможность ориентироваться по результатам Новикова на каждом отрезке дистанции.

Наш спортсмен отдал в кроссе все силы до последней капли. Он пробежал великолепно, показав шестое время. Но венгерский атлет выступил лучше. Терек завоевал золотую медаль, Новиков — серебряную, так и не осуществив своей мечты в четвертой олимпийской попытке. Те-

рек, получив награду, скажет: «Я знаю, Игорь, это твоя медаль...»

И все-таки золотую медаль в Токио Новиков получит. Команда решит, что владельцем добытого сообца «золота» должен стать именно Новиков, сделавший для команды больше всех остальных...

Личный зачет

1. Ф. Терек (Венгрия)	— 5116
2. И. Новиков (СССР)	— 5067
3. А. Мокеев (СССР)	— 5039

Командный зачет

1. СССР	— 14 961
2. США	— 14 189
3. Венгрия	— 14 173

Олимпийские игры в Мехико принесли с собой немало проблем, которые коснулись и современного пятиборья. Главной из них, конечно же, была адаптация к высокоборью. Правда, современному пятиборью здесь несколько повезло, ибо в 1962 году в Мехико проходил очередной чемпионат мира, и пятиборцы были уже знакомы с капризами столицы Олимпиады. Но не все его участники сумели одолеть дистанцию длиной в шесть лет и попасть на Олимпийские игры 1968 года. Например, из советской сборной никто не прошел в сборную-68, в том числе и Новиков. На XIX Олимпийские игры приехала совершенно новая команда в таком составе: Павел Леднев, Борис Онищенко и Стасис Шапарнис.

В венгерской же олимпийской сборной, напротив, и Андраш Бальцо и Ференц Терек знали, что такое Мехико, и их опыт сыграет решающую роль в командной борьбе.

К тому времени об этой борьбе говорили не иначе, как о затянувшейся дуэли, как о соперничестве двух школ современного пятиборья. Советскую отличало плавательно-беговое направление, венгерская больше тяготела к освоению технических дисциплин. Борьба за пальму первенства шла отчаянная. Так, начиная с 1956 года командная золотая награда на чемпионатах мира и Олимпийских играх доставалась либо пятиборцам СССР, либо — Венгрии. Первые побеждали семь раз, вторые — пять.

Столь же напряженно выяснялись и личные отношения. После 1956 года, когда на олимпийский пьедестал почета поднялся швед Ларс Халл, ни одному спортсмену

мира не удавалось выиграть личную золотую медаль у пятиборцев СССР и Венгрии. Пять раз счастье улыбнулось советским спортсменам, шесть — венгерским.

Перед Олимпийскими играми в Мехико лучшие шансы были на стороне наших постоянных соперников. Они имели за плечами опыт выступления в Мехико в 1962 году. Но более того! Терек к тому времени носил титул олимпийского чемпиона, Бальцо — четырехкратного чемпиона мира. Как некогда Новиков, он вел за собой дружину венгерских пятиборцев, и та в годы его триумфа не знала поражений.

Опыт в современном пятиборье играет громадную роль. Нашим спортсменам удалось неплохо выступить в конкуре. Даже опередить венгерских пятиборцев на 85 очков. Но, возможно, именно этот неожиданный успех (наши тренеры в день конкура готовились к худшему) и сыграл роковую роль на следующий день, когда пятиборцы вышли на фехтовальные дорожки. Нашим ребятам очень хотелось выиграть. Они спешили, ошибались, бои не получались. И наше трио проиграло в этом упражнении венгерскому 506 очков.

Надо отдать должное советским пятиборцам, они боролись до последнего. Великолепно выступили в плавании и в беге, отыграв у соперников соответственно 264 и 122 очка... Но фора была слишком велика, чтобы наверстать потери, а венгерские пятиборцы достаточно опытные, чтобы упустить свой шанс. В итоге они и завоевали командные золотые награды.

Что же касается личного первенства, то повторилась ситуация Токийской олимпиады: четырехкратный чемпион мира, главный фаворит Андраш Бальцо добыл лишь серебряную награду (как и Новиков), уступив в борьбе за «золото» 11 очков шведу Бьерну Ферму. Счастливчик Ферм! На чемпионате мира 1967 года в Йенчепинге (Швеция) он стал третьим, и никто тогда не прочил ему титула олимпийского чемпиона, признавали только одного претендента — Бальцо. Но современное пятиборье всегда полно неожиданностей.

Перед бегом Бальцо проигрывал шведу 65 очков и тем не менее мог быть уверен в успехе, хотя Ферм и стартовал за ним. Бальцо прекрасный бегун, Ферм же в этом упражнении имел весьма посредственные результаты. Если бы Олимпийские игры проводились на равнине, скорее всего Бальцо и стал бы чемпионом. Но в Мехико высокогорье

сыграло злую шутку с венгерским лидером. Он начал бег в слишком высоком темпе и финишировал с огромным трудом. Ферм же более ровно распределил силы и, проигрывая поначалу Бальцо довольно много, сумел-таки подтянуться к нему и удержать перевес в 11 очков. Ферм выиграл золотую медаль, Бальцо — серебряную, бронзовая досталась Павлу Ледневу, которому в будущем предстоит разделить славу Игоря Новикова.

Личный зачет

1. Б. Ферм (Швеция)	— 4964
2. А. Бальцо (Венгрия)	— 4953
3. П. Леднев (СССР)	— 4795

Командный зачет

1. Венгрия	— 14 325
2. СССР	— 14 248
3. Франция	— 13 286

Отвлечемся на некоторое время от неисповедимых путей олимпийской борьбы и посмотрим, какие изменения произошли в современном пятиборье за период с 1952 года.

Прежде всего, была произведена переоценка ценностей. Более всего она коснулась плавания, где «стоимость» секунды последовательно возрастала от 4 очков до 5-ти и, наконец, до 8-ми. Причем если прежде спортсмен получал 1000 очков за результат 4 минуты, то теперь — за 3,54.

На смену конному кроссу, где господин случай постоянно вмешивался в ход событий, как уже говорилось, пришел конкур. Это нововведение заметно уравнило шансы спортсменов. Так, если на Олимпийских играх в Мельбурне в день конного кросса из 40 участников 8 получили нулевые оценки и лишь трое сумели «привезти» более 1000 очков, то на Играх в Мюнхене из 59 спортсменов нулевая оценка была лишь у одного, а результат 1000 и более очков показали 30 пятиборцев. В Монреале в конкурсе нулевых оценок не оказалось вообще, а 1000 и более очков «заработали» 37 спортсменов!

Но дело не только в изменениях формулы соревнования и стоимости тех или иных упражнений. Непонятно выросли результаты. Новиков и Бальцо показали миру, что можно сочетать высокие достижения в плавании и в беге, и после Мехико в погоне за лидерами курс на плаательно-беговую подготовку взяли спортсмены многих стран, и прежде всего США, Англии, ФРГ, Польши... На

арену вышли такие яркие представители атлетического направления, как Владимир Шмелов, Джерми Фокс (Англия), Янош Печяк (Польша) и другие.

...А теперь вернемся к рассказу об олимпийском Мюнхене, чтобы воздать дань таланту и мужеству Андраша Бальцо. Для него — пятикратного чемпиона мира — Олимпиада в Мюнхене была последней попыткой добыть золотую олимпийскую награду. Все предыдущие закончились неудачей. К тому времени лидеру венгерской сборной исполнилось 34 года. Выиграв в 1969 году в Будапеште в пятый раз чемпионат мира с рекордной суммой 5515 очков, Бальцо два следующих чемпионата проиграл, и многим казалось, что звезда его закатилась.

Но у Бальцо хватило сил, чтобы подготовиться к Олимпийским играм так, как он готовился в лучшие годы, сосредоточив внимание на технических дисциплинах — конкуре и фехтовании. Именно успех в конкуре и фехтовании открыл в Мюнхене Бальцо путь к победе, ибо стрелял, плыл и особенно бежал он всегда хорошо. Советские пятиборцы — Опищенко, Леднев и Шмелев — были полны решимости сразиться с венгерским лидером.

Они более чем на 600 очков превосходили соперников в командном зачете, но выиграть у Бальцо, как ни старались, не смогли. Тот оказался сильнее и не оступился на долгом и трудном пути за высшую олимпийскую награду ни разу. Наши пятиборцы завоевали золотые командные награды, получили «серебро» и «бронзу» в личном зачете, но золотая медаль по праву досталась Бальцо, и это был прекрасный итог его 14-летней карьеры в современном пятиборье.

Личный зачет

1. А. Бальцо (Венгрия)	— 5412
2. Б. Опищенко (СССР)	— 5335
3. П. Леднев (СССР)	— 4328

Командный зачет

1. СССР	— 15 968
2. Венгрия	— 15 348
3. Финляндия	— 14 812

Возможно, это чистое стечение обстоятельств. Случайность. Но факт остается фактом: в современном пятиборье, по крайней мере на протяжении последних десятилетий, всегда были лидеры, которые на голову превосходили в мастерстве всех и определяли пути развития этого вида

спорта. Таким был швед Ларс Халл, выигравший две Олимпиады и два чемпионата мира, таким был четырехкратный чемпион мира Игорь Новиков. Его сменил «на троне» венгр Андраш Бальцо, которому довелось победить на Олимпийских играх и пяти чемпионатах мира, и, наконец, наступила эра Павла Леднева...

После победы в Мюнхене Бальцо покинул арену большого спорта, и Леднев прочно занял его место. На пути к Монреалю он выиграл три чемпионата мира — в Лондоне, в Москве и в Мехико. Первые два очень легко, на одном дыхании, третий — с большим трудом. И перед Играми в Монреале Леднев считался главным фаворитом, как и вся советская команда. Никто не мог тогда предположить, что польский пятиборец Янош Печяк встанет на его пути в борьбе за олимпийское «золото».

В Мюнхене совсем еще молодой Печяк был лишь 21-м. Уже тогда он неплохо плыл и бежал, но провалился в стрельбе. Спустя год на чемпионате мира в Лондоне он получил «баранку» в конкуре и вновь не сумел справиться с нервами в тире. Однако уже на следующем чемпионате мира — в Москве — Печяк «выкарабкался» в итоговом протоколе на 9-е место, и на храброго поляка наконец-то обратили внимание. Правда, ненадолго. На очередной чемпионат, последний перед Монреалем, — в Мехико Печяк не приехал, и о нем просто-напросто забыли. Он, впрочем, не забыл о себе, выиграв весной 1976 года традиционный международный турнир в Ереване. Но даже тогда никому бы не пришлось в голову предположить в Печяке будущего олимпийского чемпиона. Во-первых, никогда еще польское современное пятиборье не давало миру спортсмена такого ранга, а во-вторых, в расцвете сил был Павел Леднев. Ему шел 33-й год, он владел бронзовыми наградами Олимпиад в Мехико и Мюнхене и перед Монреалем трижды подряд выиграл чемпионаты мира.

Леднев полагал, что Монреаль будет его последней Олимпиадой. Готовясь к пей, он сделал все, чтобы достойно завершить спортивную карьеру. Он стал прекрасным фехтовальщиком, отличным стрелком. Регулярно проплывал за 3,42 трехсотметровую дистанцию в бассейне. И эти 3,42 стали поистине легендой. Так он плавал еще в 1965 году, когда, расставшись с водным поло, пришел в современное пятиборье, так плавал и спустя много лет.

После Мюнхена, где он проиграл в беге Бальцо более 100 очков (собственно, поэтому проиграл и золотую ме-

даль), Леднев задал себе невероятную программу в беговой подготовке, которая должна была прибавить к его результату 90—100 очков (и прибавила) про запас.

Это в ту пору, решив исключить все случайности, он временами едва ли не переселялся в бассейн львовского СКА, откуда начинались все его трепировочные маршруты. Он уходил из дома затемно. Жена приносила в бассейн завтрак, и он торопливо ел чуть ли не па бортике, экономя время... И это в ту пору Леднев утверждал свою систему: каждый день — блицтурнир с самим собой, тренировка во всех пяти упражнениях. И именно в ту же пору на одном из подготовительных сборов в Москве родилась удобная для лентяев версия, что никакой Леднев не одержимый, просто страдает старческой бессонницей, иначе с чего бы это в шесть утра, когда все нормальные люди еще спят, он уже одолевает бегом многокилометровый круг по Куркинскому шоссе.

Леднев вышел из этих тренировок еще более похудевшим, подсушившимся, как любил он говорить. Но теперь он бежал на 100 очков лучше и был готов к битве в Монреале за золотую медаль. Но, о прония судьбы! Новиков, после того, как трижды подряд победил на чемпионатах мира, не стал олимпийским чемпионом. Не стал и Леднев. Янош Печяк праздновал победу, всего на 35 очков опередивший Леднева.

Перипетии Олимпиады в Монреале драматичны. Во время фехтовального турнира за неэтичность поведения арбитрами был дисквалифицирован Борис Онищенко. Леднев и Борис Мосолов вдвоем, естественно, не могли составить конкуренцию в командной борьбе. В данной же ситуации впервые в истории Олимпиад победу одержали англичане, поразившие всех блестящими результатами в плавании и беге. Лидер сборной Англии Адриан Паркер показал в заключительном двосборье невиданную доселе сумму очков — 2618!

Личный зачет

1. Я. Печяк (Польша)	— 5520
2. П. Леднев (СССР)	— 5485
3. Я. Барту (Чехословакия)	— 5466

Командный зачет

1. Англия	— 15 559
2. Чехословакия	— 15 451
3. Венгрия	— 15 395

Леднев не ушел из большого спорта после Монреаля. Он остался в строю и, одержимый мечтой добыть золотую медаль, готовится к новому сражению. Его дуэль с Печяком продолжается. Последнее слово пока за Ледневым — он в 1978 году в четвертый раз выиграл чемпионат мира (Йевчепинг, Швеция).

1980 г., Москва

Личный зачет

1. А. Старостин (СССР)	— 5568
2. Т. Сомбатейн (Венгрия)	— 5502
3. П. Леднев (СССР)	— 5382

Командный зачет

1. СССР	— 16 126
2. Венгрия	— 15 912
3. Швеция	— 15 845

ТАКОЙ ПРОСТОЙ, ТАКОЙ НЕПОСТИЖИМЫЙ ПОЕДИНОК

Состязания фехтовальщиков входят в программу всех Олимпийских игр нашего времени. Олимпийские медали разыгрываются на трех видах оружия — на рапире, сабле и шпаге. Впрочем, в 1904 году, на Олимпийских играх в Сент-Луисе, у них появился еще и четвертый вид — турнир на палках. Правда, организаторам Игр хватило одной Сент-Луисской олимпиады, чтобы уяснить себе, сколь неподобающим для фехтовальщика оружием является палка. И теперь спортивные «дуэли» ведутся лишь на клинках.

Поначалу на олимпийском помосте блистали итальянские и французские фехтмейстеры, но начиная с 1908 года на их многолетнюю власть и величие стали посягать венгерские саблисты. Что же касается наших фехтовальщиков, то до их первых олимпийских успехов было еще очень далеко — сорок восемь лет. Целая вечность!

Участник Игр 1912 года, член российской сборной по фехтованию Александр Павлович Мордвинов рассказывал, что русские, впервые попавшие на Олимпиаду, демонстрировали в тренировках прекрасную технику, но на соревнованиях растерялись. Для прославленных виртуозов «дуэльной игры» они были некими высокочками из медвежьей глуши, «парвеню», как говорили французы.

История выступлений советских фехтовальщиков на Олимпийских играх начинается с 1952 года, с Хельсинки. Но и этот дебют был таков, что ценители классического поединка окрестили советское фехтование «нулевым видом спорта».

И шутили, что достаточно быть французом и впервые взять рапиру в руки, чтобы одолеть нашего отечественного фехтовальщика.

Некто из западных специалистов позволил себе высказать предположение: «Может быть, русскому человеку с его широкой натурой не по душе сражаться тонким металлическим прутиком на узенькой дорожке?»

Но не пройдет и десяти лет, как наши фехтовальщики покажут, на что способны, когда берут в руки «прутик». Первые олимпийские медали — бронзовые — они добудут уже в Мельбурне, а начиная с Римской олимпиады ни разу не вернутся домой без золотых наград...

Т. Любечкая *Сабельный триумф*

На вкус иных ценителей сабля — самый быстрый, самый эффектный вид фехтовального поединка. Возможно. Хотя я лично, много лет занимаясь фехтованием на рапирах, так не думаю. Тем не менее среди наших фехтовальщиков на Олимпийских играх наиболее ярко выглядят саблисты. И это — главное.

1952 г., Хельсинки

1. П. Ковач (Венгрия)
2. А. Геревич (Венгрия)
3. Т. Берцелли (Венгрия)

Командные соревнования

1. Венгрия. 2. Италия. 3. Франция.

В ту пору на олимпийском сабельном помосте безраздельно царили венгры. Говорили, что в Венгрии мальчики рождаются с саблями в руках.

Виталий Андреевич Аркадьев: «Нам, пионерам, впервые отправившимся в 1952 году на Олимпийские игры в Хельсинки, страшно повезло в том, что фехтованию на саблях мы учились у венгров. С начала пятидесятых годов неоднократно проходились совместные сборы, турниры, и учителя щедро, не пряча «коньков», открывали нам тайны фехтовального поединка. И теперь, когда я слышу венгерский чардаш, скрипки, что-то грустно щемит в сердце, напоминая об ушедшем».

Фехтовальная история особенно чтит троих венгров: Аладара Геревича, Пала Ковача и Рудольфа Карпати, к именам которых неизменно добавляется эпитет «великий».

Беликим же из великих почитают Аладара Геревича. Ему принадлежат такой рекорд: семь золотых олимпийских медалей (личные и командные), выигранные на шести Олимпиадах. Обаятельный, статный Геревич, и в пятьдесят лет каким-то странным образом напоминавший мальчика, был таким виртуозом сабельной техники и отличался такой феноменальной быстротой, что почти не нуждался в тактических обыгрываниях.

На совместных сборах мы многому научились у венгров и, отправляясь в Хельсинки, были исполнены оптимизма. Но ни один из наших саблистов не пробился в финал, да и в полуфинале фехтовал лишь Иван Манаенко.

В тот год Виктору Сидяку, которому предстояло стать нашим первым олимпийским чемпионом по сабле, исполнилось девять лет...

1956 г., Мельбурн

1. Р. Карпати (Венгрия)
2. Е. Павловский (Польша)
3. Л. Кузнецов (СССР)

Командные соревнования

1. Венгрия. 2. Польша. 3. СССР.

В Мельбурне до начала сабельных боев на счету наших фехтовальщиков не было ни одного олимпийского очка. И казалось уже, что Мельбурн станет вторым Хельсинки...

И тут, да простят мне броское слово, засвистела наша сабля.

В командных соревнованиях советские саблисты, сенсационно победив итальянцев, вошли в финал. Героем этой сенсации стал Давид Тышлер, выигравший три боя из четырех.

Виталий Андреевич рассказывает, что его «медленный Дод» был мудрейшим тактиком. От себя могу добавить, что Тышлер почти несовременно учтив, всегда открыт для желающих перенять его опыт и эти свои уроки обычно тонко украшает всевозможными байками из «боевого» прошлого — его память хранит многое из того, что все уже давно забыли. Он был пезаурядным фехтовальщиком, однако в историю Олимпийский игр прежде всего вошел как тренер — трое из четырех главных героев этой главы неотделимы от Тышлера...

А тогда в Мельбурне команда наших саблистов впервые поднялась на олимпийский пьедестал.

Первую финальную встречу наши уступили быстрым, неумоимо играющим дистанцией полякам. Они тоже учились у венгров и крупными прыжками гнались за своими учителями. «Поляки нас перебегали», — так сказал про ту встречу Аркадьев. А затем мы попали под венгров... Но во встрече с французами, которые тоже имели два поражения, все же добыли «бронзу» — решающее очко лишь в последнем бою команде принес Евгений Череповский.

В Мельбурне наш саблист впервые пробился в финал личного турнира. Это был Лев Кузнецов. В решающем бою за третье место он встретился с французом Лефевром.

Вот как рассказывает об этой встрече тренер Кузнецова Виталий Андреевич Аркадьев:

«Кузнецов встречался с Лефевром за год до Олимпиады, на чемпионате мира в Риме, и хорошо помнил свой обидный проигрыш. Лефевр предложил тогда шутивную, с прибаутками для публики, игру и в этой забавной показухе как бы нечаянно нет-нет да и задевал клинком руку Кузнецова. И когда Кузя спохватывался, фанари показывали уже 4:1 в пользу француза. Он было собрался, да поздно. Имея запас туше, Лефевр смело, рискованно, в открытую три раза подряд атаковал, и одна из атак «дошла». Свой бой с Лефевром в финале Мельбурна Кузнецов воспринимал как продолжение римской встречи. И теперь, выйдя на дорожку, оба посмеивались. Француз, видимо, вспоминая, как он провел его в Риме, а Кузя? Должно быть, вспоминая о том же.

Едва соперники приняли боевые позиции, как Лефевр, опустив оружие совсем книзу, что-то воркуя по-французски, легкой рысцой побежал в наступление. Кузнецов спешно откатывался, не идя на приглашение соперника декоративно, для публики побряцать оружием... Отступить уж некуда. Судейское «алле!», и Лефевр уже летит в атаку с обманным замахом. И тут же на замах получает опережающий удар по руке. Оба нахохлились. Потом пару раз француз пытался комическими обращениями к судье, извинительными рукопожатиями и похлопываниями Кузи по спине придать бою характер фривольного спектакля. Но Кузнецов помнил Рим и был начеку. Лефевр это почувствовал, но все же не мог не кинуть публике последнюю ужимку, которую можно было понять так: «Вот видите, я предлагаю повеселиться, а мой друг не хочет...»

При счете 4:4 удары стали чрезмерно жесткими, резкими и, вероятно, вызывали острую боль. Но вот Кузне-

цов, поймав на парад клинок Лефевра, бросившегося в бегство, ринулся вслед с победным воплем, угрожая ударами со всех сторон. Видя на бегу за французом границу поля боя, он, вытянувшись в горизонталь, в падении наносит победный удар Лефевру. А тот, сбив защитный барьер, вылетает с помоста. Команда «альт!» застает обоих лежащими — Кузнецова на помосте, Лефевра на полу. А сабли, отлетев под помост, мирно покачивались рядышком на гардах. Встав на ноги и посмотрев друг на друга, соперники рассмеялись...»

1960 г., Рим

1. Р. Карпати (Венгрия)

2. З. Хорват (Венгрия)

3. В. Каларезе (Италия)

Командные соревнования

1. Венгрия. 2. Польша. 3. Италия

Римская олимпиада — счастливая для советских фехтовальщиков: 3 золотые, 2 серебряные и 2 бронзовые медали. Только саблисты к этим трофеям не имели ни малейшего отношения. Уже в четвертьфинале командного турнира они неожиданно проиграли американцам. А в личном турнире Давид Тышлер и Яков Рыльский, выйдя в финал, заняли соответственно седьмое и восьмое места.

И по сей день Яков Рыльский остается единственным нашим саблистом, трижды удостоенным звания чемпиона мира — в 1958, 1961, 1963 годах. Ходил, как видите, вокруг да около Олимпиад — и Римской и Токийской, — но не добыл даже олимпийской «бронзы»...

Олимпийским чемпионом вновь стал Рудольф Карпати. И командный турнир вновь выиграли венгры. Они побеждали чисто, красиво, держались с огромным достоинством и никогда не позволяли себе превращать поединок в скандал, в склоку, как иные саблисты, гонимые жаждой нанести удар любой ценой. Рассказывают, что эти знаменитые старики (Геревичу было уже пятьдесят, а Карпати — сорок), в тот год уже не были так сильны, как прежде, но так еще велик был их авторитет, что судьи просто не могли признать их побежденными. Они так и сошли, не узнав поражения.

Что касается наших саблистов, то их выступление в Риме было признано откровенно неудачным. В числе прочей

критики появилась статья В. А. Аркадьева с достаточно краспоречивым заголовком: «Увядающая сабля».

Но когда совсем недавно я попросила Аркадьева дать оценку тем римским выступлениям, оказалось, что спустя восемнадцать лет (удивительная это вещь — ретроспектива) все выглядит иначе, и Виталий Андреевич теперь вовсе не склонен оценивать результаты наших саблистов в Риме отрицательно. Полно, так ли уж плохо, что по сравнению с Мельбурном не один, а двое наших пробилась в финал? Неудача в командных? Что же, в спорте такое случается, и тем более в фехтовании, и тем более на Олимпийских играх...

1964 г., Токио

1. Т. Пежа (Венгрия)
2. К. Арабо (Франция)
3. У. Мавлиханов (СССР)

Командные соревнования

1. СССР. 2. Италия. 3. Польша

Все мировые чемпионаты между Римом и Токио неизменно выигрывали поляки. Их тренировал известный венгерский тренер Кевен, и они фехтовали легко, раскованно, мощно.

У венгров же и у нас в то время шла смена поколений: покинули дорожку Геревич, Ковач, Карпати, ушли и наши «старики» — все, кроме Рыльского. Вместе с ним обновленную советскую команду составили слегка обстрелянные в Риме Асатиани и Мавлиханов, а также новички Мельников и Ракита, и эта команда сделала наконец то, к чему двенадцать лет стремились советские саблисты, — выиграла золотые медали Олимпийских игр.

Встретиться с венграми нам не пришлось: на пути к финалу их остановили итальянцы. Мы же в полуфинале выиграли у новых фаворитов — поляков — и уже после этой победы почувствовали себя чемпионами. У итальянцев наши выигрывали с крупным счетом не раз — короче, в финале, как говорит Мавлиханов, у нас проблем не было.

Что касается личных соревнований, то, по словам Тышлера, это был мавлихановский период в советской сабле. В то время Умар Мавлиханов был очень силен, но выиграть Олимпиаду ему так и не удалось.

Фехтовальщики, привыкшие к многоступенчатому круговому марафону, где сильнейший всегда может позволить

себе проиграть один-два незначительных боя, сберегая силы для решающих поединков, в Токио соревновались по системе прямого выбывания. При этой жесткой системе, когда первый же проигранный бой становился последним, жребий за выход в финал свел Мавлиханова с самым неудобным для него противником. Этому Бакони он проигрывал прежде всегда. Без исключения.

Едва их вызвали па дорожку, Мавлиханов сразу бросился на своего противника, чтобы не дать ему опомниться, и быстро повел — 8:3.

«До победы мне оставалось всего два туше, — рассказывает Мавлиханов, — и тут я вдруг захотел побыстрее закончить бой. И заторопился, хотя мне-то как раз торопиться было некуда: ведь я вел в счете. И он как пошел меня догонять, а я вдруг зажался, меня сковал страх. Потом я все хотел хоть как-нибудь нанести эти два проклятых удара, но у меня ничего не получалось. Получалось у него. И вот уже счет 8:8. Оказалось, мне надо было получить эти восемь ударов, чтобы прийти в себя. Уж не помню, как именно, но последние два удара нанес я».

В финале, где по новой системе фехтовали лишь четверо сильнейших, Мавлиханов проиграл Рыльскому и Арабо и выиграл у Пежи. «Вот у него-то я выигрывал всегда, — вспоминает Умар. — Это был мой «клиент», и он хорошо знал об этом. Я был страшно неудобен для него, а он мне в самый раз, под мою саблю. Я тогда в финале снова убедился в этом, выиграв у него 5:2».

Все же Олимпийские игры в Токио выиграл Пежа — он проиграл только Мавлиханову, а Мавлиханов после перебоя с Рыльским стал третьим.

«В каком-то роде Мавлиханов — антипод Тышлера, страстный боец, душа его фехтования — нападение, атака, — рассказывает о своем ученике Аркадьев. — Однако он типичный боец вдохновения. Бывало, споткнувшись где-то в начале пульки, этот неистовый бог атаки нередко вдруг терял весь свой наступательный пыл и тогда мог проиграть кому угодно... В таких случаях он говорил «бой не получился», не пытаясь вникнуть, разобраться, почему, как». Он пронесся сквозь чемпионаты мира и Олимпийские игры, как пущенная стрела, не вполне высказавшись в фехтовании. «Он настолько боец, — говорит Виталий Андреевич, — что видеть его тренером, дающим урок, как-то не по себе».

Помните, я говорила, что после Хельсинки Тышлер будет причастен ко всем последующим Олимпиадам? Так вот, в Токио он приехал тогда в роли тренера сборной по сабля, и в этой сборной был уже его ученик Марк Ракита. По стилю боя Ракиту считают очень похожим на своего учителя. «Тактик хитрейший и остроумнейший», — говорили о нем. Но в Токио он еще не был тем Ракитой, который через несколько лет станет в мире фехтовальщиком номер один.

Прилетев в Токио, наши саблисты сразу легли спать. А проснувшись, были страшно удивлены, увидев, что кровати стоят в совершенно других местах. Может быть, в Японии так принято — просыпаться утром в другом месте? Как выяснилось, почью было землетрясение, и спящая команда ездил по комнате на своих кроватях.

По словам Ракиты, на той Олимпиаде у него было два потрясения. Первое — проспал землетрясение и второе и, разумеется, главное — выбыл из соревнований задолго до финала, проиграв Пеже.

Конечно, можно было утешаться тем, что проиграл единственный бой, и то самому олимпийскому чемпиону, но... Ракита рассказывал мне, что, когда он еще только попал в сборную, ему чуть ли не каждую ночь снилось, что он стоит на олимпийском пьедестале почета.

1968 г., Мехико

1. Е. Павловский (Польша)
2. М. Ракита (СССР)
3. Т. Пежа (Венгрия)

Командные соревнования

1. СССР. 2. Италия. 3. Венгрия

В Мехико Ракита выступал в роли чемпиона мира и к этому времени уже умел просчитывать действия противников на несколько ходов вперед и сочетал это с такой технической смелостью, которая позволяла ему применять в три раза больше приемов, чем это делал любой из его соперников.

Как и его тренер, он не был быстр, его бои можно было назвать статичными. «Ракита — это пьяная черепаха, — говорит Тышлер, — но когда он был в ударе, казалось, все играют с ним в поддавки...»

В Мехико, правда, он себя чувствовал неважно: плохо переносил высокогорье. Первый же бой проиграл Пеже

(тому самому Пеже, который в Токио «посадил» его на скамейку болельщиков) и — благо уже отменили систему «прямого выбывания» — отправился в долгий путь утешений. Чтобы утешиться окончательно, то есть попасть в финал с «черного хода», нужно было провести двенадцать лишних боев. Он с большим трудом выиграл одиннадцать и чуть не упустил последний, двенадцатый.

В этом решающем бою за выход в финал Ракита встретился с французом Рамезом и уже в самом начале боя вдруг ощутил полное безразличие ко всему и в том числе к своему выступлению на Олимпиаде. «К счастью, — вспоминает Ракита, — мой тренер как-то сумел меня расшевелить, размять, и я в конце концов выиграл...»

Вместе с Марком Ракитой в финал попал и олимпийский дебютант Владимир Назлымов. Тот самый Назлымов, которого называют самым элегантным нашим фехтовальщиком.

Назлымов вспоминает: «В сезоне шестьдесят восьмого года я уже прошелся по международным турнирам и некоторые выиграл. И хотя в силе были еще такие киты, как Пежа, Бакони и итальянцы старой гвардии — Сальвадоре, Каларезе, я уже слегка «пощипал» их, они не успели еще ко мне пристреляться и побанвались меня».

В отличие от Ракиты Назлымов сразу, победив всех прямых конкурентов, попал в финальную шестерку.

В день финала оба наших саблиста вместе со своими тренерами Тышлером и Кузнецовым выехали из олимпийской деревни заблаговременно, часа за два до начала соревнований, чтобы при всех дорожных вариантах успеть как следует разогреться, тем более что у Назлымова была потянута спина, да и Ракита чувствовал себя не лучшим образом. Проехав примерно половину пути, рейсовый олимпийский автобус остановился: по улицам Мехико пролегла трасса ходьбы на пятьдесят километров, как раз в это время был дан старт, и движение в городе перекрыли. Автобус стоял уже полчаса...

«Какие только байки из фехтовальной нашей жизни мы не перепробовали, чтобы отвлечь ребят, — вспоминает Тышлер, — и они делали вид, будто нам это вполне удастся».

Когда до начала боев оставалось минут двадцать, по автобусу начали метаться ехавшие в нем журналисты: подумать только, ведь они опаздывали на сабельный финал! А Ракита и Назлымов — ничего, сидели спокойно, как будто их это не касалось. Берегли нервы. Наконец автобус на-

чал немного двигаться, но гораздо медленнее, чем ходоки на пятьдесят километров. Минут за десять до начала финальных соревнований Тышлер дал ребятам команду переодеться, они сказали, зачем, мол, переодеваться, все равно не успеем — и быстро переоделись.

Они ворвались в зал, опоздав на три минуты, и сразу увидели, что бой еще не начались. Пока организаторы турнира и руководство советской команды разбирались в причине опоздания, Тышлер с Кузнецовым взяли у ребят запасные сабли и прямо, не переодеваясь, стали давать им уроки. Едва наши финалисты успели немного размяться, раздался голос судьи-информатора:

— Мсье Ракита — мсье Назлымов.

«Они дрались как львы, но бой все-таки умно и чисто выиграл Ракита», — писала одна из польских газет.

Марк проиграл в финале лишь один бой — Павловскому, у того тоже было одно поражение, и теперь им предстояло провести перебой за золотую медаль.

Бой начался короткими, чуткими соприкосновениями клинков. Сначала Ракита проигрывал 2:3, потом повел 4:3. Ему оставалось нанести лишь один-единственный удар...

Так вот, когда оставался всего один удар, близость золотой медали совершенно ослепила его. Он дважды атаковал, но невпопад, вслепую, и противник, легко парировав обе атаки — третьей и пятой защитой, — чисто нанес два ответных удара. Получив последний удар, Марк на несколько секунд застыл на выпаде — неужели все? А что, собственно, случилось? Ничего особенного. Просто к медали, за которую только что дрался, он уже не имел никакого отношения. Ему вручили другую, серебряную.

«Что потерял, я осознал лишь через несколько месяцев. А тогда возникла утешающая мысль, что это все-таки лучший результат за всю историю советской сабли, — рассказывает Ракита, — и потом я надеялся дожить до следующей Олимпиады и снова бороться за золотую медаль».

Но через четыре года он был от медали гораздо дальше, чем в Мехико.

В финале командного турнира мы опять встретились с итальянцами. На этот раз наша команда представляла собой тот сплав зрелости (Мавлиханов, Ракита) и юношеского задора (Винокуров, Назлымов, Сидяк), который принято считать оптимальным. «Тяжелая борьба с итальянцами закончилась в нашу пользу с минимальным перевесом — 9:7», — вспоминает Назлымов. Мавлиханов же рас-

ценивает бои того финала иначе: «В то время наша команда была очень сильна, и все встречи, в том числе и финальную, мы выиграли совершенно легко».

1972 г., Мюнхен

1. В. Сидяк (СССР)
2. П. Марот (Венгрия)
3. В. Назлымов (СССР)

Командные соревнования

1. Италия. 2. СССР. 3. Венгрия

Тышлер вспоминает, что поначалу обратил внимание на Сидяка (воспитанника тренера А. Феля) потому лишь, что сборной нужен был спарринг-партнер левша, а Сидяк как раз держал саблю в левой руке. Но сборной нужен был достаточно сильный левша. Так вот, чтобы поднять его уровень, Тышлер стал с ним заниматься и тренировал его на всесоюзных сборах с 1964 по 1970 год.

«В отличие от других учеников, которых я мог «делать по своему образу и подобию», Сидяк не поддавался общим меркам, и для него пришлось придумывать совершенно новые приемы», — говорит Тышлер.

Сидяк прибавлял так быстро, что вскоре стало ясно, что он не ограничится ролью спарринг-партнера членов сборной. В олимпийскую команду он был включен уже перед Мехико, а в Мюнхен приехал в звании чемпиона мира.

Вместе с Сидяком в финал вышел и Назлымов, который в Мехико был четвертым и теперь рассчитывал на большее.

Первый бой, как известно, между своими. Было ясно, что от его исхода будет во многом зависеть судьба золотой медали. И этот поединок — 5:4 — выиграл Назлымов. Сходя с помоста, он, как всегда, сосредоточенно поплеывал на перчатку — он выиграл у серьезнейшего конкурента, и теперь... Но затем, проиграв итальянцу Маффею и венгру Мароту, Назлымов выбыл из борьбы за золотую медаль.

Когда по окончании финала корреспондент «Комсомольской правды» попросил Сидяка рассказать о его финальных боях и о том, как ему удалось собраться после столь опасного проигрыша Назлымову, Виктор улыбнулся и сказал только: «Теперь мне надо было выиграть остальные четыре встречи, и все».

Но через шесть лет после Мюнхена, Виктор сказал мне, что из тех четырех боев ему больше всего запомнился бой с Томашем Ковачем — сыном знаменитого Ковача.

Он вел уже 4:2, и оставалось нанести последний, решающий удар, и он его нанес, но главный судья опросил боковых арбитров, оба воздержались от ответа: не видели, мол, — и тогда главный, выдержав зверскую паузу, — он молчал, наверное, около минуты — вдруг объявил, что Сидяк промахнулся, а Ковач, в свою очередь, нанес удар, и счет стал 4:3.

И через шесть лет, все еще волнуясь, Виктор возбужденно рассказывал мне, что Ковач действительно атаковал, но на целый темп позже контратаки его, Сидяка.

Суть в том, что сабля — единственный в фехтовании вид оружия, лишенный электросервиса, и в отличие от шпаги и рапиры бой здесь по-прежнему судят пятеро судей — один старший и четверо боковых. И получается так, что вслед за стремительной, хлесткой сабельной фразой идет такой обстоятельный ее разбор всеми пятью арбитрами, что саблисты порой совершенно «стынут», ожидая, пока судьи присудят наконец кому-нибудь удар. А этот удар бывает часто так неуловим, что ставит в тупик самых искушенных арбитров — был или не был? И появляется лазейка для ошибок и для тенденциозности...

Так, на Олимпиаде в Хельсинки некто Гастон Даре из Италии в бою с Геревичем нанес ему очень жесткий удар в ногу. Остановив бой, Геревич стал растирать ушибленное место. Тут же к нему поспешил Даре и с выражением искреннего сочувствия начал массировать ему... грудь. Судьи попались на эту уловку и засчитали Геревичу удар!

Саблисты считают, что проблема сабельного судейства — это для них проблема номер один. И с нетерпением ожидая электрификации сабли, фехтуют пока что «при свечах».

Сидяк же, получив в бою с Ковачем третий удар, ментально вспыхнул, но заставил себя отключиться от всей этой ситуации и сосредоточиться на одной простой мысли: «Еще один удар, еще один». В течение, наверное, нескольких минут он старательно и ожесточенно «растаскивал» противника по всей дорожке и, когда тот провалился наконец в дистанции и только еще запас ногу для шага вперед, он вразрез сделал ложную атаку с финтом вверх.

Томаш доверчиво метнулся за его клинком в пятую защиту и обнажил правый бок...

Что касается командных боев, то уже в полуфинале мы встретились с венграми. Фамилии соперников звучали грозно: Геревич, Ковач... Правда, это были сыновья знаменитых фехтовальщиков. В труднейшей борьбе наши ребята их победили. А затем традиционный финал с итальянцем, в котором на этот раз итальянцы нас превзошли.

Рассказ о Мюнхенской олимпиаде я хочу закончить, словами о саблесте, который не стал участником той Олимпиады, хотя и тогда уже был достаточно силен, уже побывал в финалах международных турниров, бил многих зарубежных китов, но при этом традиционно проигрывал своим именитым соотечественникам — Раките, Назлымову, Сидяку.

В 1967 году у Давида Тышлера появился ученик с такой фехтовальной фамилией — Кровопусков, которого вместе с тренером тянули теперь за собой вверх Ракита и Сидяк, не задумываясь, разумеется, о том, что, может, настанет такой день, когда он выиграет у всех, в том числе и у них. Когда ты силен, то ни о чем таком не думаешь.

«Когда в Кярику, на последнем сборе перед Мюнхеном, решили не брать Кровопускова в команду, — рассказывает Тышлер, — он страшно расстроился. Сидим мы после тренерского совета, и я мучительно думаю, как его успокоить. И тут он говорит: «Да не переживайте вы так, Давид Абрамович! Я все равно их всех побью на следующей Олимпиаде». А я думаю: ждать-то целых четыре года. Ну ладно, думаю, подождем...»

1976 г., Мопреаль

1. В. Кровопусков (СССР)
2. В. Назлымов (СССР)
3. В. Сидяк (СССР)

Командные соревнования

1. СССР. 2. Италия. 3. Румыния

Он смел и умеет так же быстро мыслить в бою, как Ракита, саблю держит в левой руке, как Сидяк, однако превосходит обоих в быстроте и мощности движений. Но если вы увидите Кровопускова вне дорожки, то ни за что не разглядите в нем всех этих качеств. В жизни это спокойный, а бы даже сказала, бесстрастный человек.

«Ни зазнайство, ни горе из-за проигрыша ему незнакомы, тренируется и железно верит в свою звезду, вот и все,— говорит Тышлер.— Разумеется, у него есть и недостатки, но этот секрет я раскрыть не могу. Ведь он еще на дорожке, и золотая медаль Олимпиады-80 еще не разграна».

За два года до Монреаля Тышлер, возглавив кафедру фехтования в Центральном институте физкультуры, всех своих учеников передал Раките. И 22 июля 1976 года, когда Марку Раките исполнилось 38 лет, Виктор Кровопусков выиграл в Монреале золотую олимпийскую медаль.

Первые и самые мучительные бои в финале он провел со своими — Сидяком и Назлымовым. Назлымов, между прочим, фехтовал в Монреале в звании чемпиона мира.

На сборах и соревнованиях эти трое так досконально изучили друг друга, что их поединки — напряженны и скупы. Все закоулки и извивы фехтовальных фраз давно просчитаны, и ни одна из самых коварных ловушек не застанет соперника врасплох. Их финальный мини-турнир закончился так: Назлымов выиграл у Сидяка, а Кровопусков — у Сидяка и Назлымова.

О тех боях Кровопусков сказал коротко: «Может быть, я был немного лучше готов, а может быть, мне чуть больше везло». Разумеется, не принято распространяться о победах над своими товарищами, но в тот день именно ему все время «чуть больше везло». «Когда я выиграл эти тяжелые бои у наших, я был окрылен,— рассказывает Кровопусков,— и подумал: нельзя же мне теперь проигрывать иностранцам, и легко выиграл все оставшиеся встречи».

Он действительно легко выиграл и у румына Поппа, и у итальянца Мафффея (с неистовым Мафффеем он встречался в Монреале дважды и в полуфинале едва не споткнулся на нем, победив с минимальным преимуществом — 11:9), и у другого итальянца — чемпиона мира 1973—1974 годов Монтано.

Монтано устроил из боя с Кровопусковым шумное акцентричное представление. Он в сердцах швырял саблю, внезапно срывал маску и страстно взывал к сочувствию публики. Но это не впечатляло арбитров. Поединок не складывался в тот день у Монтано. Неистово разбегаюсь, он вдруг увязал в своих хитроумных комбинациях и тут же попадал на простую и короткую атаку Кровопускова. Словом, Виктор решительно обрывал все его фразы на полуслове.

Столь же успешно против иностранцев фехтовали Назлымов и Сидяк. По существу, наши разыграли медали между собой. И репортеры, всегда охотно называвшие фехтовальщиков «мушкетерами», теперь получили все карты в руки. «Три мушкетера» — такой заголовок в июле семьдесят шестого года обошел не одну газету.

А в командном финале наши вновь встретились с итальянцами. Назлымов вспоминает: «Они дрогнули в первом же бою и, по-моему, поняли, что сегодня с нами драться бесполезно. А это и было бесполезно».

Таким образом, выступление наших саблистов в Монреале дало логическую концовку этому повествованию, начавшемуся с рассказа о XV Олимпийских играх. Тогда, в 1952 году, венгры повторили свой небывалый рекорд Олимпийских игр 1912 года, выиграв все медали, какие только можно выиграть: все три личные и золотую командную. И теперь этот рекорд повторили советские саблисты.

1980 г., Москва

1. В. Кровоусков (СССР)
2. М. Бурцев (СССР)
3. Н. Гедевари (Венгрия)

Командные соревнования

1. СССР. 2. Италия. 3. Венгрия

В Монреале советские саблисты достигли такого успеха, превзойти который невозможно. Можно только повторить. И незадолго до XXII Игр Виктор Кровоусков признался мне, что надеется на повторение монреальского успеха.

Его надежды оправдались. Почти. Для полного успеха нашим саблистам не хватило на Олимпиаде в Москве лишь бронзы.

Итак, в финал на этот раз попали двое наших — Виктор Кровоусков и Михаил Бурцев (Назлымов, проиграв два боя в туре прямого выбывания, вынужден был сложить оружие перед самым финалом).

И тот и другой, получив по поражению (Кровоусков от Бурцева, Бурцев — от венгра Гедевари), уверенно выиграли все остальные поединки, впечатляя и зрителей и арбитров виртуозностью своей дуэльной игры.

И был назначен перебой за первое место. Казалось, Бурцев вновь легко побеждает Кровоускова. Он ведет уже 3 : 1, как по нотам разыгрывая стереотипы сабельных

комбинаций. Теперь до победы ему лишь два удара — два мгновения, а Кровопускову — целая вечность: четыре. Но так вышло, что путь Кровопускова оказался короче...

Кровопусков — единственный из советских фехтовальщиков, которому удалось дважды выиграть личный турнир Олимпийских игр, — завидное продолжение аркадьевского фехтовального «рода». Ибо вспомните, как все начиналось. Аркадьев тренировал Тышлера, тот — Ракиту, а Ракита тренирует теперь Кровопускова и Бурцева.

А вот как выглядело это «фехтовальное семейство» на Московской олимпиаде. На главном фехтовальном помосте Игр Кровопусков и Бурцев ведут свой элегантный спор за высшую награду, их счастливый тренер мечется у дорожки — в самом деле, за кого из двоих сейчас болеет Ракита? В кабине телекомментатора Давид Тышлер старательно переводит фразы поединка своих бывших учеников на язык ТВ (это его олимпийская миссия), и с высоты трибун на весь этот блеск «паркетных ристаний» с философской невозмутимостью на лице взирает знаменитый maître d'escrime — учитель фехтования — Аркадьев.

Что же касается командных состязаний, то финал, где вновь, как и на предыдущих четырех Олимпиадах, сошлись команды Италии и СССР, наши выиграли довольно легко, об этом свидетельствует и счет — 9:2.

И. Образцов

Восхождение на семь вершин

Мысленный траверс семи олимпийских вершин, который вместе со своими товарищами по оружию совершили советские рапиристы, пожалуй, лучше начать с короткого пролога.

В рапирном фехтовании много условного, традиционного, стиснутого рамками правил. В этом оно ближе к боксу, шахматам, гимнастике, чем, скажем, к плаванию или легкой атлетике. До введения электрифицированного оружия в середине пятидесятих годов фехтовальная дуэль была скорее похожа на какой-то торжественный ритуал с четко зафиксированными, картинными позами, заранее обусловленным чередованием атак и защит. В прежние годы это действительно был «паркетный спорт», доступный лишь небольшому кругу знатоков.

Когда на помощь судьям пришло электричество, фех-

тование на рапирах начало меняться на глазах. Оно стало динамичным, даже атлетическим. И пышке мушкетеру надобно иметь железную руку, быстрые ноги, стальные нервы. За два-три дня турнира ему приходится выходить на боевую дорожку до пятидесяти раз. Пятьдесят боев — пятьдесят стартов. Где еще в спорте вы встретите такую огромную психологическую нагрузку! Легкоатлет-спринтер имеет пятьдесят стартов за весь сезон, а ведь дуэль на клинках далеко не равноценна по физическим и нервным затратам забегу на сто или двести метров. Она веселее.

Случайно или нет, но именно с той поры, как произошла в этом виде спорта техническая революция, на авансцену вышли советские фехтовальщики. Впрочем, их достижения в олимпийском Хельсинки оказались более чем скромными. Вот что вспоминает о том далеком времени многократный чемпион мира, а ныне известный тренер Марк Мидлер:

— В 1952 году мы впервые появились на международной арене и сразу очутились в гуще олимпийских сражений. Да только не по плечу нам было тогда сопротивляться признанным мастерам из Франции, Венгрии, Италии. Больше того, нас опередили такие нефехтовальные державы, как Люксембург, Дания, Египет. Мы не привезли из Хельсинки ни одного зачетного очка.

Встретившись впервые лицом к лицу с лучшими зарубежными мастерами, советские спортсмены были ошеломлены их виртуозной игрой. Особенно поражали итальянец Манджаротти, домашняя коллекция боевых трофеев которого насчитывала больше двух десятков медалей мировых первенств и Олимпиад, француз д'Ориоля. Высокое фехтовальное искусство демонстрировали и другие знаменитые фехтовальщики.

Один из зарубежных тренеров заметил тогда по поводу выступления наших ребят: «Еще лет десять-пятнадцать поучитесь у нас, и будет гут»...

Олимпийская летопись хранит имена победителей турнира рапиристов, датированного 1952 годом. Турнир этот прошел под знаком огромного превосходства Кристиана д'Ориоля и Эдоардо Манджаротти. Наши же рапиристы — Герман Бокун, Юрий Уралов и Марк Мидлер зачехлили клинки после четвертьфинальных поединков, а в командном единоборстве выбыли из предварительных соревнований.

Прошло четыре года. В Мельбурн советские фехтовальщики приехали отнюдь не зелеными новичками. За год до Олимпиады были одержаны первые международные победы. Особенно отличились наши женщины-рапиристки: в 1956 году они завоевали золотые медали на командном чемпионате мира.

Наступила эра электрооружия. Против этого нововведения резко выступил д'Ориоля. Он понял, что старым добрым временам «ритуального поединка» пришел конец. Но мастерство французского гроссмейстера было настолько велико, что он сумел перестроиться и свою лебединую песню исполнил на высокой ноте, защитив в Мельбурне звание олимпийского чемпиона.

Час побед советских рапиристов в Мельбурне еще не пробил. Как известно, первые олимпийские медали в 1956 году добыли для советского фехтования саблисты во главе со Львом Кузнецовым. И тем не менее прогресс мастеров рапирного поединка был, что говорится, налицо. Марк Мидлер занял седьмую строку в мировой таблице о рангах, его товарищи сражались на подступах к финалу. Поднялись они до полуфинала и в командном турнире.

Пожалуй, именно год 1956-й надо считать началом биографии замечательной команды, которая спустя недолгое время на восемь лет захватила лидерство на арене мировых первенств и Олимпийских игр. В Мельбурне прошли испытание «огнем и мечом» три будущих чемпиона Римской олимпиады — Марк Мидлер, Юрий Рудов и юный Виктор Жданович.

Для того чтобы команда стала непобедимой, ей недоставало таких талантливых солистов, как Герман Свешиков и Юрий Сисикин. Они вошли в сборную за два года до Игр в «Вечном городе», отправившись со своими новыми друзьями по команде в Филадельфию, на чемпионат мира. Они вернулись домой с серебряными медалями. А год спустя начался «золотой век» этой уникальной команды.

Что же произошло? Почему стал возможен столь стремительный прогресс?

Наши мастера, и это касается не только рапиристов, черпали у признанных зарубежных школ все самое лучшее. Но они энергично искали и свои неизведанные пути. В то же время во Франции, Италии, Венгрии, Польше и других странах по-прежнему придерживались устоявшихся традиций, недоверчиво относились к новым веяниям.

Вспоминая минувшие дни, Герман Свешников, ныне один из тренеров сборной СССР, заметил: «В олимпийском Риме к нам впервые стали обращаться за советом. Признаться, значит, что мы шли вперед быстрее, чем остальные...»

Если вернуться к прогнозу зарубежного тренера, сделанному в 1952 году, нельзя не отметить, что не пятнадцать лет понадобилось советским фехтовальщикам для того, чтобы из учеников превратиться в законодателей мод, а в два раза меньше.

Героем олимпийского турнира в Риме стал Виктор Жданович. Вначале он безошибочно преодолел все ступени личного первенства и поднялся на высшую из них, первым из советских фехтовальщиков став олимпийским чемпионом. А затем с Мидлером, Свешниковым, Сисикиным и Рудовым отпраздновал триумфальную победу и в турнире командном. Пресса в те дни писала о нем как о «русском чуде», о человеке, сказавшем новое слово в этом освященном давними традициями виде спорта. Ждановича называли эталоном современного мушкетера.

Успех наших рапиристов станет еще более весомым, если учесть, что в Риме соперничество было острым как никогда. Фехтование в те годы стремительно завоевывало популярность. Так, на дорожках Мельбурна сражались только 32 рапириста, а в Риме их было уже 78. И среди этих 78 Жданович стал первым, Юрий Сисикин завоевал серебряную медаль личного первенства, а Мидлер в финале вышел на пятое место.

Немало драматических моментов было в жизни чемпионов за время их пребывания на вершине славы. Это и понятно — победить на шести чемпионатах мира и двух Олимпиадах подряд практически в неизменном составе не удавалось ни одной из команд мира. Каждый из чемпионатов — будь то Сан-Франциско-59, Буэнос-Айрес-62, Париж-65 или Москва-66 мог бы поведать увлекательнейшие истории о поединках за фехтовальную корону. Но то, что случилось на олимпийской арене Токио, право же, может быть приравнено к спортивному подвигу наших мастеров рапиры.

Совершенно неожиданно для всех участники личного турнира Свешников, Жданович и Мидлер выбыли из борьбы задолго до решающих боев, растеряв шансы еще в четвертьфинальных поединках. Так что акции нашей сборной перед началом командных встреч значительно упали.

...Зал токийского университета Васэда. Турнир вышел на финишную прямую. Благополучно миновав все подводные рифы предварительных сражений, в финал пробилась две сборные — Советского Союза и Польши. Кто победит? Мнения специалистов разделились. О наших ребятах говорили, что они растеряли спортивную форму, не сумеют акклиматизироваться. Что же касается поляков, то на поле боя они вышли во главе с новым олимпийским чемпионом в личном первенстве Эгоном Франке, и все матчи до финала выиграли легко. На стороне наших был все же непререкаемый авторитет: пять лет непрерывных побед на главных турнирах.

Старт. Экс-чемпиону мира Рихарду Парульскому салютует Юрий Сисикин. И спустя несколько минут записывает первое очко в актив команды. Но тут же Франке сравнивает счет. И гонка началась! Наши все время выходили вперед на один шаг и тут же соперники уравнивали шансы. Так шла борьба на протяжении четырнадцати поединков! Блестяще фехтовал Герман Свеппников. Никому из его противников не удалось уйти с дорожки победителем.

Когда до окончания этого захватывающего спора оставались две встречи, у советских рапиристов при равном счете оказалось худшее соотношение уколов и их могла спасти лишь победа в обоих оставшихся боях. Дело почти безнадежное: ведь в запасе у соперников остались самые надежные мастера — Парульский и Франке.

С Парульским скрестил свою рапиру Мидлер. Это была одна из самых острых дуэлей Олимпиады. Поляк сумел уйти от Мидлера очень далеко — он повел 3:1. Еще два укола и победа за сборной Польши. Марк сравнял счет и... тут же получил четвертый укол. Это уже почти катастрофа!

Ходят бойцы, высматривают что-то, делают ложные выпады. словно боксеры. Вдруг одновременно молниями кидаются друг на друга. Треск рапир, и оба валятся на дорожку. Обоюдный покдаун, так сказать, по-мушкетерски! Первым поднялся Мидлер. У польского рапириста легкое ранение. Но оба занимают боевую стойку. И тут в течение считанных секунд Мидлер, не дав сопернику опомниться, нанес два неотразимых укола. Победа!

Но впереди оставался последний, решающий поединок. Франке — Сисикин. Юрий был незаменим в таких вот критических ситуациях, когда на карту поставлено все,

ради чего живет спортсмен целые годы. Франке превзошел самого себя в этой схватке и был прав, когда за минуту до окончания поединка позволил себе передышку: Сисикин проигрывал почти безнадежно — 2:4. Поляку оставалось нанести всего один укол.

Но случилось невероятное. Как шквал ворвался Юрий в оборону противника, и в одну минуту все было кончено. Сисикин сравнял счет, а за секунду до финального звонка сам нанес последний укол.

Так пришла эта удивительная победа.

Любая команда, особенно команда классная, обычно состоит из партнеров, не похожих один на другого. Такой была и наша дружина. Ее бессменным капитаном был Марк Мидлер. Он рано познал вкус побед, правда, первые медали завоевал... с саблей в руках. И лишь успех на чемпионате страны среди рапиристов помог ему сделать окончательный выбор.

Мидлеру везло на учителей. Первым его тренером был Иван Ильич Манаенко, воспитатель многих чемпионов. Потом, когда Марк стал студентом Московского института физкультуры, он перешел к Виталию Андреевичу Аркадьеву, умному и тонкому знатоку фехтования. А после Римской олимпиады тренером Мидлера стал его давний друг Давид Тышлер, один из лучших саблистов мира. Он-то и открыл Марку сложнейшие хитросплетения фехтовального мышления.

Мидлер считался идеалом бойца командного типа. Особенно удачно фехтовал он в командных турнирах, где основную роль играет не индивидуальное мастерство, а тактика и стратегия борьбы, умение отдать все силы в тот единственный самый нужный момент. Эти качества выручали Мидлера много раз, выручили и в Токно.

Германа Свешникова прозвали «мотором» команды. В 1966 году горьковчанин был признан самым результативным из советских рапиристов за все время их выступлений на чемпионатах мира. Свешников пришел в команду на гребне новой молодежной волны, которая сменила мастеров старой формации. В 1962 году он первым из наших рапиристов стал чемпионом мира в личном первенстве, повторив этот успех в 1966-м.

Он рос в простой семье и после семилетки пошел работать. Потом — армия, в рядах которой он продолжает оставаться и по сей день. Вернувшись из Польши, с чемпионата мира 1963 года, Герман подарил золотую медаль

Горьковской детской спортшколе, и юные фехтовальщики начали разыгрывать трофей прославленного земляка. Другую медаль он подарил дворовому клубу. Это были не просто широкие жесты, щедрость большого спортсмена. Свешников прекрасно понимал, какое значение для развития его любимого вида спорта в его родном городе могут иметь эти подарки.

Широта его натуры постоянно проявлялась и на боевой дорожке. Ему непременно хотелось научить кого-то из молодых, как надо драться с кем-то из сильнейших. Сам он во время командных матчей словно нянька ходил среди ребят, заботливо помогая им, а то «заводя»: если один из них проиграл, Герман шел на спор, что сам у того противника выиграет. И выигрывал, будьте спокойны! Всегда с открытой улыбкой на лице. Но не такой Свешников был простачок, как казалось на первый взгляд.

Это был чрезвычайно опасный, сильный и резкий фехтовальщик. Бурного темперамента. Не случайно его еще прозвали «броневой пушкой».

Ленинградец Виктор Жданович 18-летним новобранцем побывал в олимпийском Мельбурне. Он восхищенно следил за корифеями из Франции и Италии, учился у них и уже тогда начал выделяться среди всех своей виртуозной техникой. Часто он фехтовал ради самого творческого процесса боя, а результат волновал его меньше. Поэтому и стабильности Виктору иногда не хватало.

Его блестящий успех на Римской олимпиаде был очень важен для всего советского фехтования, открыл нашим мушкетерам путь к вершине. Дело в том, что в фехтовании для побед на международной арене недостаточно считаться классным мастером. Надо еще иметь большой авторитет, добиться того, чтобы и арбитры (не только соперники!) оценили твой высокий класс. И в этом смысле Жданович проложил путь остальным.

Самым своеобразным в этой четверке был, безусловно, саратовец Юрий Сисикин. Как многие одаренные люди, он относился к своему таланту несколько легкомысленно, и это наложило отпечаток на его фехтовальную манеру. Сисикина называли Арамисом четверки. Легкий и стройный, он приходил на турнир словно на праздник. Он дрался, подзадоривая соперника шуточками, шумно восхищаясь, когда получал красивый укол. Но за лукавой улыбкой искусно скрывал острую бдительность и чуткое внимание. Не вплетался в замыслы противника, как Мидлер, и не

разрушал их, как Свешников. По словам одного из рапиристов, Сисикина «попросту... перелезал через чужую тактику, словно через забор!» Он имел на вооружении несколько серий приемов, годных на любой случай, и ловко чередовал их.

Юрий чаще бывал вторым, чем первым. Шутили, что еще до начала боев на чемпионатах страны гравер спокойно мог трудиться над серебряной медалью. Для Сисикина. На Олимпиаде в Риме один-единственный укол, который на мгновение быстрее сумел нанести Юрию Виктор Жданович, сделал Сисикина серебряным призером.

Повторюсь: он не всегда серьезно подходил к занятиям фехтованием, поэтому его творческие взлеты подчас сменялись обидными неудачами. Такое случилось и накануне токийских Игр. Тренерский совет ломал голову, кого же послать вместо Сисикина. Но пришли его друзья и сказали: «Нам без него не выиграть». Они как в воду глядели...

Эту прославленную четверку очень метко прозвали «мушкетерами XX века». Летом 1966 года в Москве состоялся мировой чемпионат. Это был факт признания успехов советской фехтовальной школы. И большая доля в этих успехах принадлежала четверке наших лучших рапиристов.

Впрочем, не только их руками ковалась «золотая кольчуга». Победы советской сборной по рапире в разные годы добывали москвич Юрий Рудов и воронежец Александр Шевелев, саратовец Юрий Шаров (он был пятым в команде, победившей в Токио) и киевлянин Виктор Путятин.

Путятин стал одним из первых, кто принял эстафету от Мидлера и его друзей, своим великолепным успехом на мировом чемпионате 1967 года в Монреале он открыл новую страницу в истории советского рапирного фехтования.

Накануне Олимпиады-68 в Мехико авторитет советской сборной был поколеблен командой Румынии. Это сразу внесло оживление в ряды рапиристов. Появилась надежда отобрать у советских фехтовальщиков заветный титул. К тому же, как некогда, уверенно чувствовали себя ветераны, особенно французы и поляки: Жан-Клод Маньян, яркий выразитель идей классической французской школы, польские рапиристы Ришард Парульский и Витольд Войда и другие. Известные мастера решили дать бой нашим спортсменам.

Сборная олимпийского призыва 1968 года, имея в сво-

ем составе сильных молодых солистов Виктора Путятина и Василия Станковича, а также завершавших карьеру Свешникова, Сисикина и Шарова, что-то потеряла от тех славных времен, возможно, чувство локтя, взаимопонимания. Может быть, в этом и таилась причина ее поражения от французов в финальном матче Олимпиады. Возвращались домой рапиристы в минорном настроении, тем более что никому из них не удалось пробиться в финал личного первенства.

Анализируя причины неудачи, тренер команды Виталий Андреевич Аркадьев говорил:

— Нам было необходимо очевидное превосходство в мастерстве, как это случалось раньше. Но не все сражались в командном матче за золотые медали с полной выкладкой. Лидер сборной Путятин плохо перенес условия высокогорья и не выиграл ни одного боя, а дебютант, чемпион страны Станкович, не пройдя солидной проверки международными соревнованиями, явно первичил и фехтовал скованно. Основная тяжесть борьбы легла на ветеранов, которые поддерживали свою высокую марку, но их усилий оказалось мало. В команде назрел возрастной кризис. Многоопытные бойцы, утратив творческую пластичность, готовясь к Олимпиаде, решали лишь задачу поддержания своего класса. Но стоять на месте — значит, сделать шаг назад, и он был сделан...

В олимпийский Мюнхен поехала команда в обновленном составе, из прежней сборной в ней остались только Путятин и Станкович, который на чемпионате мира в Вене завоевал золотую медаль. Дебютировали Владимир Денисов, Анатолий Котешев и Леонид Романов — бойцы молодые, но уже достаточно опытные и титулованные.

Однако команде вновь досталась лишь серебряная награда — на этот раз финальная встреча принесла успех польской дружке, которую вел в наступление олимпийский чемпион Витольд Войда. Без особого блеска провели наши мастера и личный турнир, лучший из них — Денисов занял пятое место.

Смена поколений продолжалась в команде и после Мюнхена. Ушли «в запас» те, кто заменил в свое время замечательную четверку «мушкетеров XX века». В 1974 году ярко вспыхнула звезда минчанина Александра Романькова, дебют которого на мировом чемпионате принес ему сразу две золотые медали.

Олимпийским чемпионом Александр мог бы стать в Монреале, где он сражался красиво и изобретательно, но не сумел одолеть 17-летнего итальянца Фабио дель Зотто. Они столкнулись в одном из боев финала, а потом еще раз — в дополнительном поединке за золотую медаль. И Романьков проиграл.

Все время, прошедшее с той поры, Александр искал встреч с Фабио «на высшем уровне». После сенсационной победы в Монреале итальянцу никак не удавалось пробиться в финал мировых чемпионатов. И лишь на первенстве 1979 года в Мельбурне соперники скрестили наконец свои рапиры в споре за медали. Реванш Романькова был убедительным!

...Он ничем не отличался от своих приятелей, босоногих деревенских мальчишек. Гонял в футбол, часами сидел на берегу с удочкой. Пока в одно прекрасное утро не прочел на школьной доске объявлений: «Записывайтесь в фехтовальную секцию!» Ее решил организовать учитель физкультуры Эрнест Аспевский, ныне заслуженный тренер СССР. Так Романьков был зачислен в отряд мушкетеров.

Переехав в Минск из села Масюковщина, где прошло его детство, Александр поступил в институт физкультуры. И попал в знаменитую на весь мир белорусскую фехтовальную школу. Уже через три года он встал вровень с ее именитыми воспитанниками.

Виктор Жданович так раскрывает секрет успехов мнчанина:

— Его стиль — игровое фехтование, контактное, умное. Его манера — это качественно новая ступень развития нашего вида спорта. Александр ведет поединки на более высоких скоростях, на более остром ощущении. Пусть он иногда чересчур рискует, увлекаясь неподготовленными действиями. Но риск помогает бойцу изобретать что-то новое, необычное.

На Олимпийских играх в Монреале Романьков стал серебряным призером. В командном турнире наша сборная вышла на четвертое место. Словом, у Александра были основания для недовольства собой. И он стал тренироваться еще одержимее. Не теряли зря времени и его товарищи по оружию: за год до Московской олимпиады, ведомые своим отчаянным капитаном, они выиграли командный турнир мирового чемпионата, на этот раз нанеся поражение темпераментным итальянцам.

Личный турнир, проходивший на дорожках спорт-комплекса ЦСКА, принес долгожданный успех советскому мастеру Владимиру Смирнову.

Вместе со Смирновым в финальную шестерку вошли еще два наших фехтовальщика — Александр Романьков и Сабир Рузиев. После окончания положенных по регламенту поединков сразу у трех участников — Смирнова, Романькова и француза Паскаля Жолио — оказалось равное количество побед. Был назначен перебой. Но и он не принес преимуществ ни одному из претендентов. Победа была присуждена Смирнову, имевшему лучшее соотношение нанесенных и полученных уколов.

ЗаклЮчить рассказ о рапире следует, показав олимпийский пьедестал почета.

1952 г., Хельсинки

1. К. д'Орполя (Франция)
2. Э. Манджаротти (Италия)
3. М. ди Роза (Италия)

Командное первенство

1. Франция. 2. Италия. 3. Венгрия

1956 г., Мельбурн

1. К. д'Ориоля (Франция)
2. Дж. Бергамини (Италия)
3. А. Спаллино (Италия)

Командное первенство

1. Италия. 2. Франция. 3. Венгрия

1960 г., Рим

1. В. Жданович (СССР)
2. Ю. Сисикин (СССР)
3. А. Аксельрод (США)

Командное первенство

1. СССР. 2. Италия. 3. ОГК/ФРГ

1964 г., Токио

1. Э. Франке (Польша)
2. Ж.-К. Маньяп (Франция)
3. Д. Ревеню (Франция)

Командное первенство

1. СССР. 2. Польша. 3. Франция

1968 г., Мехико

1. И. Дримба (Румыния)
2. Е. Камути (Венгрия)
3. Д. Ревеню (Франция)

Командное первенство

1. Франция. 2. СССР. 3. Польша

1972 г., Мюнхен

1. В. Войда (Польша)
2. Е. Камути (Венгрия)
3. К. Нозль (Франция)

Командное первенство

1. Польша. 2. СССР. 3. Франция

1976 г., Монреаль

1. Ф. дель Вотто (Италия)
2. А. Романьков (СССР)
3. Б. Тальвар (Франция)

Командное первенство

1. Италия. 2. СССР. 3. Франция

1980 г., Москва

1. В. Смирнов (СССР)
2. П. Жюлио (Франция)
3. А. Романьков (СССР)

Командное первенство

1. Франция. 2. СССР. 3. Польша

Т. Любецкая

Оружие женщины

Имен фехтовальщиц вы не найдете в списках участниц первых семи Игр, ибо в те годы поединок считался занятием чисто мужским.

Впрочем, вот что я прочла во французской книге начала века «Спорт во всех видах», представляющей собой рекомендации женщинам, желающим заняться спортом: «...фехтование заслуживает наибольшего внимания и имеет право на самое широкое применение в женском физическом воспитании... фехтование приучает к самостоятельности, развивает веру в себя, решительность и хладнокровие».

вие... Фехтование требует более гибкости и ловкости, нежели силы, а также хитрости, т. е. тех качеств, которыми обладают почти все женщины...»

Эти строки, на мой взгляд, вполне могли бы принадлежать перу современного автора.

Первые фехтовальщицы выступили на Олимпийских играх в 1924 году в Париже, их оружием стала рапира — самое утонченное из всех видов фехтовального вооружения (ее прикосновение в бою менее грубое, чем, скажем, сабли или шпаги, приемы не столь размашисты, более тонки и аккуратны).

1952 г., Хельсинки

1. И. Камбер (Италия)

2. И. Элек (Венгрия)

3. К. Лахман (Дания)

Илона Элек — единственная из фехтовальщиц, которой удалось стать чемпионкой Олимпийских игр дважды — в 1936 году в Берлине и 1948-м — в Лондоне. Причем, заметьте, ее победы разделяют двенадцать лет — не состоялись Игры 1940 и 1944 годов.

Казалось, и на XV Олимпиаде ей не будет равных — в те годы венгерка безраздельно царила на международном помосте. Все же в Хельсинки она стала второй и, как говорят, отвернулась там от своей третьей золотой олимпийской медали...

Воспитанная в великосветском доме в духе старинных семейных традиций — с гувернантками, музыкой, балными танцами и проч., — Илона Элек тем не менее буквально революционизировала женское фехтование, внося в него мужественность и атлетизм. Это она, Илона, первая пренебрегла традиционной фехтовальной юбкой, а затем и широкими шароварами ниже колен. Она блистала в фехтовальном костюме мужского покроя (теперь с ее легкой руки он одинаков и для мужчин и для женщин), являя собой очаровательное смешение женственности и атлетизма.

Во всей ее фигуре, выражении лица было столько вызывающе победного, что те даже, кто видел ее впервые, сразу узнавали «непобедимую, грозную Элек». Рассказывают, что и в свои 42 года на олимпийском помосте в Хельсинки она производила неизгладимое впечатление. Ее противницы, большинство из которых противостоять ей не умели, вели свои бои аккуратно, «не заступая» за

границы классики. Элек же фехтовала раскованно, мощно, неистово, не считая пужным «связывать» себя классическими канонами. Она широко размахивала клинком, тем вовлекая противниц в непривычный хаос движений, но, уловив благоприятный для нападения момент, молниеносно «выстреливала» рукой и тонким, едва заметным движением наносила укол. Она грозно топала, устрашающе вскрикивала, всячески наигрывая агрессивность. И противницы заранее съеживались, спешно отдавая ей бои с первых же секунд встречи.

Один из основоположников советской школы фехтования Виталий Андреевич Аркадьев — по количеству чемпионов мира и Олимпийских игр ему нет равных в мире — говорил об Элек: «Она всегда будет примером того, как надо владеть собой на дорожке, как вдохновляться и наслаждаться острейшим боем и как, невзирая на годы, оставаться молодой...»

А вот что рассказал Виталий Андреевич о решающем поединке за золотую медаль в Хельсинки между Ирэнной Камбер и Илоной Элек.

Бой двух сильнейших представительниц венгерской и итальянской школ оказался нелегким для обеих. Быстрая, изящно фехтующая Камбер не желала сдаваться неистовой Элек. При счете 3:3 Элек, уже получившая предупреждение о конце дорожки, все же отступает к самой границе и в пылу боя не замечает этого. А еще через несколько мгновений заступает за запретную черту и получает штрафной (!) решающий укол. «Подумать только! Проиграть Олимпийские игры, получив штрафной укол!» — патетически восклицает Виталий Андреевич спустя двадцать лет после того поединка.

А вот заслуженный мастер спорта Анна Матвеевна Пономарева — участница тех Игр — о последнем туше рассказывает несколько иначе: «При счете 3:3, уже получив предупреждение о границе дорожки, Илона, остерегаясь заступить за запретную черту, оглядывается и в этот самый момент получает решающий, нелепый «золотой» укол!»

Что касается наших женщин, то они (равно как и наши мужчины) не добились на тех Играх ни одного олимпийского очка.

Впрочем, этого можно было ожидать, ибо Олимпиада в Хельсинки это не только первая Олимпиада для наших фехтовальщиков, но и, по существу, первый официа-

ный международный турнир. До того времени они находились в плену собственных метаний и поисков, не имея почти представления о том, как развивается западноевропейское фехтование — в то время законодатель фехтовальных мод.

Лишь за несколько месяцев до Игр в Хельсинки наши встретились в ряде товарищеских матчей с «великими венграми», разгромившими их по всем статьям. Итак, с крупными международным опытом, а также с грузом неясных надежд и сомнений советские фехтовальщики отправились на первый свой бал — Олимпийские игры в Хельсинки.

«Встретившись со своими противниками на дорожках Олимпиады, — рассказывает Анна Матвеевна Пономарева, — мы увидели, что наше мастерство не намного ниже, только мы были очень скованы — предолимпийские встречи с венграми убедили нас в нашей беспомощности».

«Ждать от нас каких бы то ни было побед на тех Олимпийских играх было, конечно, нельзя, — вспоминает другая наша участница Олимпиады в Хельсинки, заслуженный мастер спорта СССР Надежда Денисовна Шитикова, — помимо отсутствия международного опыта (встретившись с асами мирового фехтования мы все, мягко говоря, трусили) выиграть нам мешали еще и судьи. При всех сомнительных фразах они неизменно оказывались на стороне именитых, к нам же, новичкам, относились недоверчиво, жестко».

...В те времена еще не было изобретено электросудейство и арбитры, судившие «на глазок», часто допускали грубые ошибки, ибо движения фехтующих с каждым годом становились все быстрее, сложнее, тоньше, и иные стремительные, запутанные диалоги клинков, в которых оружие нередко обгоняло мысль, оказывались неуловимы для глаз. И в конце концов судейство стало тормозить развитие фехтовального поединка.

Один главный и четверо боковых судей вполне могли разобрать самую пылкую, самую витиеватую фехтовальную фразу, определив правоту одного из соперников, но последнее, решающее мгновение боя — прикосновение острия клинка к груди соперников (туше) — бывало подчас совершенно незаметно и ставило в тупик искуснейших арбитров.

Но «фехтовальная мысль» неустанно работала и неза-

долго до открытия «электричества» была сделана попытка фиксировать уколы с помощью так называемых красящих веществ. У дорожки стояли обыкновенные чернильницы, перед боем соперницы макали в них рапиры, и при уколах малиновая краска оставляла на их курточках следы, которые и служили сигналом к присуждению укола. Однако, как всякий предмет, который макнули в чернила, рапира «печатала» на груди бойцов ужасающие, оскорбительные кляксы. Колет фехтовальщика стал смахивать на тетрадку двоечника. И поединок превращался в длинный, шумный спор — был ли то укол или же просто ловко пущенная издалека клякса?

Естественно, «кляксы» в фехтовании не прижились. И лишь введение электросудейства избавило рапиристок от четырех боковых судей, оставив у дорожки одного старшего арбитра. Это несомненно улучшило зрелищность фехтования, ибо теперь две фехтовальщицы не терялись в толпе судей.

Исчезла необходимость колоть глубоко, с большим прогибом клинка, чтобы судья заметил туше. Достаточно стало лишь с определенной силой коснуться груди соперника, и на судейском аппарате зажигалась сигнальная лампочка.

Но, с другой стороны, наличие одного судьи вместо пяти заставляет фехтовальщиц вычерчивать более четкий тактический рисунок боя. В большей степени, чем раньше, стали выгодны простота и лаконичность: чем скорей зажжется фиксатор, тем лучше. И фехтовальщицы, с погдо головы опутанные проводами, снабженные электроаппаратами, всевозможными лампочками и звонками, тем не менее вздохнули теперь свободнее, ибо судейских ошибок стало меньше.

Правда, поначалу, осваиваясь с «электрооборудованием», они фехтовали несколько грубовато, неуклюже. И уже иные ценители рапирного искусства стали поговаривать о закате романтического «искрометного» фехтования. Но в конце концов, сохранив достоинство классического поединка, фехтовальщики стали постепенно обогащаться новыми — «электро» — приемами, которые от турнира к турниру становились быстрее, тоньше, зрелищней.

Однако в Хельсинки до этого было еще далеко...

В заключение рассказа о XV Олимпийских играх хочу дать слово заслуженному тренеру СССР Ивану Ильи-

чу Мапаенко. И вовсе не потому, что он, как и Плеханова, сумел пробиться на Олимпиаде в Хельсинки в полуфинал. В историю Олимпийских игр он войдет прежде всего как тренер жепской сборной страны по фехтованию и в частности — знаменитой тройки чемпионов мира и Олимпийских игр — Растворовой, Забелиной и Гороховой. С его именем будут связаны выступления наших фехтовальщиц на пяти последующих Олимпиадах. Хельсинки же стали в его жизни неким поворотным пунктом — именно там он принял решение, как это было ни трудно, бросить выступать: «Я ужасно расстроился, «вылетев» из полуфинала, но понял, что чемпионом мира и Олимпийских игр уже стать не успею — мне было за тридцать — значит, надо прекратить фехтовать самому и всерьез заниматься своими учениками. Между прочим, в то время у меня уже были и Рыльский, и Забелина, и Сайчук. И вот они-то должны были все успеть...»

Мудрый и жестокий тренер-психолог. «Психолог не по образованию, а по своему отношению к поединку, как к психологической игре», — говорит о нем Аркадьев. Иван Ильич любит и способен изобретать новые методы работы, не пренебрегая, впрочем, учебой у всех, у кого стоит поучиться. Для чужих этот человек — весь в себе, за высоким частоколом. А то вдруг приоткроеся тяжелая дверь и блеснет шутка, веселая, острая, порой беспощадная.

Вспоминая Хельсинки, Иван Ильич рассказывает: «Мы жадно следили за каждым шагом венгров, не в силах оторвать от них глаз, даже когда они просто шли по улице. Ну, а уж на тренировках, естественно, ни одного штриха, ни одного замаха клинка старались не пропустить...»

Между прочим, на той Олимпиаде среди «великих венгров» Мапаенко изучал не только фехтовальщиков. «Не один час я провел на боксе, наблюдая бои непобедимого Ласло Паппа (в итоге он стал чемпионом трех Олимпиад). Меня интересовала тактика боксера и особенно его потрясающая способность вдруг неуловимо быстро сблизиться с противником и нанести покалечивающий удар».

В фехтовании это ведь тоже очень важно — уметь внезапно, врасплох нанести неотразимый удар...

1956 г., Мельбурн

1. Дж. Шин (Великобритания)
2. О. Орбан (Румыния)
3. Р. Гарриль (Франция)

Это была первая Олимпиада, которая проводилась с электросервисом, и цветные вспышки лампочек, звук электроаппаратов воспринимались зрителями некоей забавной экзотикой.

Но самой большой сенсацией фехтовального турнира XVI Олимпийских игр считают победу в женской рапире англичанки Шин.

Ее победа была неожиданностью, быть может, даже для нее самой. Ничего подобного ей не удавалось достичь ни прежде, ни когда-нибудь потом. Но в тот день в здании мэрии одного из районов Мельбурна — там шли олимпийские бои фехтовальщиков — она была в ударе. Обостренное чувство боя позволяло ей находить малейшие щели в обороне соперниц. Она не блистала бросками, хлесткими фразами и не умела, к примеру, стрелнуть эффектным выпадом, но ее полувывады были так своевременны, а уколы так точны, что поражали без промаха, — она показала себя хитрым, расчетливым тактиком. А в фехтовании, собственно, и нет ничего важнее «выбора момента», ибо, делая что-либо быстро, красиво, но не врасплох, ты лишь эффектно попадаешь в западню противника.

Ценители классического фехтовального поединка с изумлением наблюдали за боями Шин — англичанка как будто ничего особенного не делает, а эта странная новомодная лампочка зажигается все время в ее пользу. Да и можно ли вообще доверять каким-то лампочкам, если речь идет о Его Величестве Поединок?

Думаю, что если бы электроаппарат к тому времени не был еще изобретен, судьи вряд ли бы отдали предпочтение англичанке. Скорей всего они были бы на стороне одной из сильнейших представительниц прославленной французской школы — знаменитой мадам Гарриль. Она стала на Олимпиаде третьей.

О новой чемпионке Олимпийских игр заслуженный тренер СССР Тышлер сказал: «Конечно, божий дар у нее был — просто так Олимпийские игры не выигрывают, — но рассмотреть его как-то никто не успел». А вот обладательница серебряной олимпийской медали — Орбан — была, несомненно, талантлива. Шестнадцатилетняя румынка вела бои эффектно, бурно, строя атаку за атакой. Она была быстра, как, может быть, никто другой. Но доминанта скорости «съедала» в ней тактика, она фехтовала «не от противника», а «от себя», и для тех, кто хорошо

знал ее, могла стать легкой добычей. Такое, впрочем, случалось редко...

Выступление советских фехтовальщиц в Мельбурне было подобно их дебюту в Хельсинки. Лишь одна Ефимова дошла до полуфинала. Шитикова и Растворова застряли в «четвертушке». Хотя именно на женщин в Мельбурне возлагались особые надежды, ибо всего за месяц до Олимпиады они стали чемпионками мира в команде (Лондон), вырвав в последний момент победу у грозных француженок.

И вот теперь никто даже не пробился в финал...

«В то время наши девушки до стабильных побед просто еще не доросли, — говорит Виталий Андреевич Аркадьев, — и не умели еще в одиночку — это ведь не командный турнир, где все плечом к плечу — прокладывать трудный и длинный путь от предварительных ступеней до финала».

А с точки зрения ученицы Аркадьева заслуженного мастера спорта СССР Эммы Ефимовой, главная причина неудач крылась как раз в недавнем триумфе в Лондоне. Именно потому, что наши девушки отдали все силы на чемпионате мира, они не сумели блеснуть на Олимпийских играх. Месяц оказался слишком короткой передышкой между столь крупными состязаниями.

«В Лондоне мы были на таком подъеме, на который, я думаю, никакая команда не способна каждый месяц. Кстати, до чемпионата мира мы даже не знали толком, будем выступать на Олимпиаде или нет. А когда выяснилось, что будем, то взлет был уже позади, и Олимпиада пришлась на спад».

Кстати, именно от Ефимовой, единственной из наших фехтовальщиц, пробившейся в Мельбурне в десятку, ждали более громких побед. Не признавая на дорожке никаких авторитетов (а вернее, чем именитей соперница, тем для Ефимовой лучше), она фехтовала дерзко, неистово, буйно, откровенно наслаждаясь поединком, и тем походила на знаменитую Элек. Кстати, именно от Элек она и восприняла эту агрессивность, наблюдая за боями знаменитой венгерки на совместных сборах. А восприняв, сразу же ощутила, что это ее стиль, она нашла себя и отныне чувствовала себя хозяйкой дорожки. Иные противницы просто физически боялись Эмму, не умея противиться грозному ливню ее переносов, хлесткому удару. И больше всего, конечно, от нее доставалось иностранкам, ибо

они не имели возможности к ней пристреляться, а то и вовсе видели ее на дорожке впервые. Она подавляла их морально уже с самого начала поединка — грозно сверкая из-под маски черными угольными глазами и вызывающе щелкая рапирой по оружию «жертвы», она явственно чувствовала ее трепет по едва уловимой дрожи клинка.

А затем классическое фехтование иностранок живо сметалось Эмминым прессингом, и, получив поражение, некоторые даже не успевали расстроиться, откровенно радуясь, что «терзания» кончились.

Рассказывают, что, поехав в 1955 году на чемпионат мира в Рим запасной, маленькая смуглая дикарка Эмма вернулась с него сильнейшим командным бойцом нашей команды. И сразу перестала быть дикаркой. То есть она, конечно, еще не вполне освоилась с ролью «грозы чемпионов», но роль «равной среди равных» была уже ей по плечу, и от этого Эмме все время хотелось широко улыбаться. Как же свершилось превращение? Когда в первой же встрече чемпионата Плеханова стала проигрывать бои, Ефимова не смогла усидеть в запасе и, подойдя к руководству, сказала: «Ставьте меня, я буду выигрывать». Это был риск — ставить на ответственную встречу «необстрелянную», не имевшую никакого опыта Эмму. Но в ее словах было столько решимости, что тренеры рискнули. С того момента Ефимова больше не коснулась «скамейки запасных». Во всех встречах она не проиграла почти ни одного боя, буквально разгромив всех фехтовальных примадонн. Вот тогда-то итальянские корреспонденты и прозвали ее «грозой чемпионов».

Но в Мельбурне не было «грозы». «Была жуткая усталость, — вспоминает Ефимова, — и бои, которые, казалось, раньше было так легко выигрывать — ты побеждала, и все, — теперь оборачивались какими-то неразрешимыми, непостижимыми загадками. И обычное мое безумное желание фехтовать — оно буквально жгло меня на соревнованиях — доходило до меня словно откуда-то издалека, и мне надо было хорошенько прислушаться, чтобы его ощутить...»

Но в то время она еще не была вполне той Ефимовой, которой станет три года спустя, когда вслед за Забелиной (Париж, 1957 год) и Растворовой (Филадельфия, 1958 год) выиграет чемпионат мира в Будапеште, и когда ее великая жажда поединка «оденется», наконец, в тонкую технику.

Это будет последний чемпионат мира перед XVII Олимпийскими играми в Риме... «Всю жизнь я мечтала стать чемпионкой мира, — говорила Эмма, — когда же эта мечта исполнилась, я не стала грезить о победе на Олимпиаде, нет. Я просто была уверена, что в Риме стану олимпийской чемпионкой...»

1960 г., Рим

1. Х. Шмидт (ОГК/ФРГ)
2. В. Растворова (СССР)
3. М. Виколь (Румыния)

Олимпийские игры в Риме Ефимова не только не выиграла, но даже не смогла принять в них участие — в том году у нее родился сын, и это событие сразу стало для нее важнее всех чемпионатов мира и Олимпийских игр. Закончила выступать за сборную и Надежда Шитикова, и к «ветерану Мельбурна» Растворовой в команде присоединились Забелина, Горохова, Петренко (Самусенко), Прудскова и Шишова.

Участницами личного турнира — как известно, на Олимпийских играх от каждой страны допускаются лишь трое — стали три ученицы Манаенко. Но если Горохова и Растворова сумели попасть в финал, то Забелина была уже из второго круга соревнований.

Вписавшая свое имя в историю фехтования тем, что стала первой советской чемпионкой мира, Александра Забелина на дорожке, как правило, imponировала и судьям и зрителям. Внешне спокойная, сдержанная, она восходила на помост чинно, величественно, будто на трон. Вот она церемонно салютует зрителям, противнице, но начинается бой, и от ее сдержанности не остается следа: она быстра, темпераментна и лихо бросается в самые рискованные «сражения». Ее поединок не был насыщен каскадом боевых приемов, но в какой-то момент она безошибочно ловила промах противницы и, нанося укол, буквально взрывалась выпадом. Она в равной степени блистала и в защите и в нападении. Тем не менее в личном турнире Олимпийских игр в Риме она проиграла решающий бой неизвестной, не слишком сильной австрийке Эберт.

Соперница, по словам Шуры, была «потрясающе красива», и представители знаменитых французских и итальянских фирм, выпускавших фехтовальные костюмы, наперебой приглашали ее сниматься для рекламы, на что она охотно соглашалась. Впрочем, и в жизни Шура восп-

принимала Эберт как «ходячую рекламу» — австрийская фехтовальщица одевалась броско, супермодно, и Шуре всегда казалось, что кульминационным моментом Олимпийских игр для нее был не фехтовальный турнир, а скажем, банкет. Поэтому так беспечно настроилась Шура на решающий бой. И поначалу встреча действительно складывалась для Забелиной легко. Она повела 1:0, затем 2:0. Но потом внутренне расслабилась, решив, что бой уже выигран, и небрежно заспешидла «добить» соперницу. Но та, как видно, не торопилась проигрывать, и теперь все неподготовленные атаки Забелиной врезались в «железную» защиту Эберт. «В конце концов не она оказалась легкомысленной, — говорит Забелина, — а я...»

Но вернемся к олимпийскому финалу, который на этот раз был открыт поединком советских фехтовальщиц Гороховой и Растворовой.

Ученицы Манаенко резко отличались друг от друга.

«Длинная, быстрая Растворова фехтовала интуитивно, эмоционально, всегда почти в смятении чувств» — так говорит о ней Аркадьев. Будучи фехтовальщицей высокого класса, она, если ее «песли» эмоции, могла вдруг проиграть бой какой-нибудь совсем несиленной фехтовальщице и «вылететь» из предварительной ступени состязаний.

Горохова же никогда бы не отдала свой бой, скорее провалилась бы дорожка. «У нее расчудеснейшая реакция, — говорит про ученицу Манаенко, — это подтверждали все приборы научной бригады, работавшей со сборной...» Горохова — это неистовое стремление к лидерству и цепкая оборона — капкан, в защиту к ней попадешь, не выберешься.

Она не стала бы, как Растворова или Забелина, с наслаждением растягиваться в длинном выпаде. Ее стихия — ближний бой.

«Хорошо зная свою молодую одноклубницу, — написано в сборнике «Олимпийский год 1960», — более опытная Растворова активно повела наступление и вскоре добилась победы. С присущей ей уверенностью провела Валентина и два следующих поединка». Но затем на пути к золотой медали ее остановила Ольга Орбан. «Валентина не сумела сдержать шквал атак темпераментной румынки и проиграла». Еще одно поражение ей нанесла немка Шмидт, чем и избавила Растворову от притязаний на «золото». Судьба серебряной медали решилась в последнем бою Растворовой с Викольт (из Румынии).

Тот бой был крайне упорным и трудным для обеих. Рассказывают, что, нанеся друг другу по два туше, соперницы перестали что-либо предпринимать и минут 20—25 — в фехтовании это целая вечность — ходили по дорожке, вовсе бездействуя. Время боя давно кончилось, а значит, кто раньше нанесет теперь укол, тот и выиграет серебряную медаль. Но на дорожке по-прежнему ничего не происходит (осторожность сковала руки соперниц), и Растворова все ходила и ходила в поисках момента для нападения, лишь изредка попугивая Виколю ложными приемами. По словам Манаенко, Растворова всегда много трудилась на ниве ложных финтов, защит и отступлений, прежде чем исполнить свой излюбленный прием — атаку. В конце концов это ей удалось и в бою с Виколю...

Что же касается Гороховой, то она набрала в финале равное количество побед с румынками Орбан и Виколю, но по уколам вперед вышла Виколю, ей и вручили бронзовую медаль. Горохова заняла 4-е место, Орбан — 5-е. «В тот период те, кому я проиграла, были сильней, опытей меня, — так отвечала Галина Горохова на мой вопрос о причинах ее финальных поражений. — Расстроилась ли я, проиграв те бои? Конечно. Но впереди еще был шанс доказать, что ты можешь выигрывать, — командные соревнования. Вообще командный турнир всегда был для меня важнее личного. Я считала, что в личных могу промахнуться, а вот в команде, когда отвечаешь не только за себя, — проигрывать нельзя ни в коем случае...»

Чемпионкой же, не проигравшей в финале ни одного боя, стала фехтовальщица Объединенной германской команды 22-летнего Хейди Шмидт. В знаменитом зале Палаццо ди конгресса она фехтовала умно, легко, изящно, ни намек на напряжение, на страстное желание выиграть. Как будто и не было никакой борьбы, как будто все ее победы были запланированы заранее...

Олимпийские игры в Риме — первые, в программу которых был включен женский командный турнир, и рапирстки сильнейших фехтовальных держав — Франции, Италии, Венгрии, Румынии, а также СССР — спешили вписать свои имена в новую страницу истории Олимпийских игр.

Наши девушки уже в первой встрече, как писали итальянские газеты, «буквально нокаутировали венесуэлок». По словам Забелиной, все предварительные встречи прошли гладко. А вот в полуфинале разыгралась драма.

Ее исполнителями поневоле стали команды Франции и СССР, а режиссером-постановщиком — некий арбитр из Италии, чье имя, несомненно, помнят участницы «представления».

В команде Франции были искуснейшие фехтовальщицы того времени, знаменитые Мийярд, Дельбар, Гаррил и Вероне, каждая из которых владела, наверное, сотней приемов.

Итак, в полуфинале встретились представительницы двух совершенно различных школ — старой классической, французской и молодой, советской. Борьба сложилась невероятной сумбурно. «Что бы ни происходило на дорожке, — вспоминает Забелина, — арбитр судил только в пользу француенок. Это продолжалось до тех пор, пока счет не стал 7:3 в их пользу. Мы были в ужасе, чувствуя, что ничто нас не спасет и не понимая уже, что нужно нам, что нужно от нас судьей... И вот тут-то Иван Ильич вскакивает и направляется к президенту международной федерации фехтования — он требует заменить судью». На два часа были приостановлены бои, ибо замена судьи на Олимпийских играх — случай экстраординарный.

В конце концов было решено оставить прежнего арбитра. Он признался, что судил «несколько рассеянно», и дал слово, что впредь его внимание будет предельно острым. В самом деле, когда бои возобновились, он почти перестал ошибаться, и это окрылило наших. «После перерыва француженки вышли совсем успокоенные, они, мол, уже почти выиграли, мы же зверски настроились на победу и стали выигрывать бой за боем, уступив победу лишь в одном поединке, — рассказывала Забелина, — и счет стал 8:7 в пользу француенок. Теперь, если последнюю встречу мы выигрываем, счет сравнивается — 8:8, но победа — за нами, так как соотношение уколов у нас лучше».

На тот решающий бой вышла Валентина Прудскова. Я хорошо помню ее эффектное фехтование. Бывает, иная фехтовальщица выигрывает и умно, и содержательно, а так коряво, что и смотреть-то неловко. Валины бои, аранжированные звонким победным кличем, всегда были красивы. Ее фехтование было также всегда абсолютно чистым, незамутненным подделкой, «финтом за дорожкой».

Прудсковой предстояло выйти против одной из сильнейших командных фехтовальщиц Франции, Мийярд, которая, случалось, «вылетала» из предварительных лич-

ных состязаний, но в командных концентрировала все свои силы и могла сделать невозможное.

В фехтовальных манерах Мийярд и Прудсковой было много общего — обе техничны, темпераментны и способны продемонстрировать остроумный поединок. И обе хрупкие, изящные — две фарфоровые фигурки на дорожке.

Но в том поединке обе изменили себе, и тончайшие технические кружева были сброшены. По словам очевидцев, это был грубый, тяжелый бой, «бой гладиаторов». В невероятно широких защитах они буквально хлестали клинками по полу, и счет шел укол в укол.

«В критические моменты боя французенки произительно визжали, а мы замерли, — рассказывает Забелина, — но когда при счете 3:3 Прудскова нанесла решающий укол, что-то в нас словно оборвалось...» «К счастью, четвертое туше Валя чисто выиграла — загорелась одна лампочка, — вспоминает Горохова, — но если бы загорелись обе, нет сомнений, судья дал бы это последнее решающее туше не в нашу пользу».

Сняв маску, Прудскова медленно сошла с помоста. «Она шла с трудом, мы кинулись к ней, — вспоминает Забелина, — а с французенками творилось что-то невероятное. Они никак не хотели верить, что проиграли, плакали, и при всей радости нам стало как-то не по себе...»

Однако надо было готовиться к финалу, где наши встречались с фехтовальщицами из Венгрии. Но эта встреча оказалась легче, гораздо легче, чем полуфинал.

Поскольку в боях с французенками особенно устали и перенервничали Горохова и Забелина, Манаенко рискнул поставить вместо них на финал менее опытную Петренко (Самусенко) и вовсе «необстрелянную» Шишову — дебютантка сборной до финала не провела на Олимпиаде ни одного боя. Однако разминаться Манаенко дал команду всем шестерым. Это был «финт», на который сразу же попались венгерки. К Забелиной подошла Шакович и между прочим спросила, кто из шестерых будет фехтовать в финале? Не переставая разминаться, Забелина лишь пожала плечами, не знаю, мол, тренеры еще не решили. «Хотя я отлично все знала, — рассказывает Забелина. — Прежде чем посадить нас с Галей на скамью запасных, Иван Ильич советовался с нами, и наши мнения не разошлись». Потом все с тем же вопросом к Забели-

ной подошла Юхас, ибо очень важно знать, с кем тебе предстоит встретиться, чтобы соответственно настроиться, распланировать свои бои и т. д. Лишь только начался финал, стало ясно, что риск Манаенко вполне оправдался, ибо Горохову и Забелину венгерки в достаточной степени изучили на международных встречах и чемпионатах мира, с Петренко (Самусенко) были знакомы гораздо меньше, Шишову же видели впервые. В результате наши победили в финале — 9:3.

Оказалось, например, что для Тани Петренко (Самусенко) венгерки очень удобны, у них не хватало терпения заманить ее в ловушку. Ее же девизом было терпение. Эффекта ради она не бросалась в атаку, и темперамент не гнал ее в гущу схватки. Она могла сидеть в засаде столько, сколько потребуется, хотя бы целую вечность. Против нее не помогали ни прессинг, ни атаки на ура, ибо она зорко и холодно следила за действиями противниц и одним точным «выстрелом» могла пресечь любой всплеск своей «жертвы». Три победы в финале было на ее счету.

Столь же результативно провела свои бои Растворова, Прудскова выиграла лишь один бой. Но большего от нее и не ждали, ибо всем было ясно, что силы свои она оставила в полуфинале. Что же касается самой юной и неопытной Людмилы Шишовой, то она фехтовала так дерзко и легко, будто дорожка была настелена в ее родном городе Горьком.

Итак, советские фехтовальщицы впервые в истории Олимпийских игр стали олимпийскими чемпионками в командном зачете, и западные специалисты заговорили тогда о советской школе фехтования...

1964 г., Токио

1. И. Уйлаки-Рёйте (Венгрия)
2. Х. Меес (ОГК/ФРГ)
3. А. Раньо (Италия)

К обычным — если их можно назвать обычными — предолимпийским волнениям в том году у фехтовальщиков добавились бурные переживания, связанные с новой системой проведения олимпийского фехтовального турнира.

Суть новой системы заключалась в том, что первый же проигранный бой становился последним. Поединок как бы вновь обретал смысл дуэли — или ты, или я — другого выхода не было. Дуэлянты, впрочем, в последний

момент могли припестить извинения и мирно разойтись. Олимпийские игры такой возможности не предоставляли.

Из наших девушек в узкий круг финалисток — их теперь лишь четверо — пробилась только Горохова, но и она вновь, как и в Риме, осталась за чертой призеров, заняв 4-е место. «В личном турнире наша Горохова настолько волновалась, — писала газета «Советский спорт», — что проиграла в финале все встречи».

«В сущности, мне все время не хватало до победы совсем немного, все три финальных боя я проиграла со счетом 4:3, — вспоминает Горохова, — и, как я теперь понимаю, я просто не успела акклиматизироваться. Мы прилетели в Токио незадолго до начала соревнований, и я так и не смогла приспособиться ко времени Токио». Спустя год ей, наконец, удастся привести в равновесие все свои силы, и она станет чемпионкой мира, но олимпийская золотая медаль будет и впредь для нее недостижима...

Чемпионкой XVIII Олимпийских игр стала венгерская фехтовальщица Ильди́ко Уйлаки-Рейте.

Небольшого роста, хрупкая, скромная, казалось бы, ничем не примечательная Рейте напоминает мне сельскую учительницу, что никак не вяжется с ее обликом на дорожке (кстати, она выступает до сих пор), — в бою она злая, агрессивная, колючая и этим отдаленно напоминает Илону Элек. Только поединки Элек были «озвучены» торжествующим, сиренообразным кличем, Рейте же фехтует почти безмолвно — она предпочитает все сказать клинком, и на Олимпийских играх в Токио это ей вполне удалось.

С широкими финтами, медленно Рейте подбиралась к противнице поближе, а оказавшись у той «под самым носом», молниеносно атаковала, контратаковала, легко перехватывая «чужой» клинок, словом, могла исполнить все, что хотела. И наша Горохова, и верткая немка Меес, и бурная итальянка Раньо вынуждены были ей уступить...

В финале командного турнира, как и в Риме, встретились сборные СССР и Венгрии. На этот раз оказались сильнее венгерки. На последний, решающий бой (при счете 8:7 в пользу команды Венгрии) вышла Татьяна Самусенко (Петренко). «Ей нужно было выиграть с любым счетом, — вспоминает Горохова, — и тогда мы побеждали бы по уколам. При счете 3:3 Таля сделала, наверное, сто одну атаку, но никак не могла попасть в поражаемое пространство». И в конце концов «попала» венгерка.

Газета «Советский спорт», анализируя причины проигрыша наших рапиристок в Токио, писала: «...Команда фехтовала серо. Видно, на спортсменов давил груз жесткой конкуренции, которую они выдержали, борясь за право поездки на Олимпиаду...» В самом деле, система нескончаемых прикидок, последняя из которых проводилась чуть ли не на вокзале перед отходом поезда, могла вызвать сомнение. Спору нет, разумное использование отборочных турниров закаляет бойца, злоупотребление же ими изматывает и может способствовать поражению.

Из Токио все наши мужские команды по фехтованию — рапиристы, шпажисты, саблисты — вернулись с золотыми медалями — личными или командными, — и лишь для рапиристок зл университета Васэда не оказался счастливым...

1968 г., Мехико

1. Е. Новикова (СССР)
2. П. Ролдан (Мексика)
3. И. Уйлаки-Рёйте (Венгрия)

Потрясающее хладнокровие Елены Новиковой (Беловой), умение предельно сконцентрироваться на решающем уколе вошло в легенду. Если ведет бой, ни за что не упустит, а проигрывая под ноль, может спокойно «вытянуть» самый безнадежный поединок. Примерно такого же характера были Камбер, Шмидт, Горохова, однако специалисты сходятся на том, что равных минчанке по части «олимпийского спокойствия» нет.

В движении ног единственная советская чемпионка Олимпийских игр не безукоризненна, но обладает таким чувством боя, притом левша, высокого роста, что противницы не могут к ней близко подойти. При всем своем хладнокровии на дорожке Лена — лавина, шквал, не жди от нее пощады. И кажется, что своей «неумолимой дланью» она накрывает противницу вместе с дорожкой. А ее клич — низкий, протяжный, обычно перекрывает любой другой возглас, уже одним этим как бы предвещая соперницам поражение. Но Лену «слышно» не только в момент финального броска. К примеру, если она стремится обмануть «врага» ложным приемом, возглас ее кроток, почти нежен. Но вот она с присущим только ей феноменально острым чувством боя внезапно ловит промах соперницы, и в зале взрывается леденящий душу крик...

А когда судья дает команду «стоп» и объявляет счет,

Лена, вместе с маской как бы снимая все бурные эмоции поединка, пожимает противнице руку с самой любезной улыбкой независимо от исхода боя. Могу сказать, такая улыбка — редкость, те же, кто умеет с улыбкой проигрывать, — наперечет.

В 1968 году она выиграла почти все международные фехтовальные турниры и в Мехико прилетела, естественно, за золотой медалью.

Но за несколько дней до личного старта она повредила на тренировке ногу, и встал вопрос о замене ее в личных состязаниях кем-нибудь из запасных. Но отказаться от борьбы за олимпийскую медаль? Нет, этого она сделать не могла. И тогда за нее «взялась» медицина — уколы, массаж, массаж и уколы, — и Лена все-таки вышла на дорожку.

В Мехико, как и в Риме, в финал личного турнира рапиристок попали двое наших — вновь Галина Горохова и дебютантка Игр Елена Новикова (Белова). Их финальный бой длился очень долго, но в конце концов со счетом 4:3 победила Горохова, получив столь ценное очко на старте финала... «Я была в очень хорошей форме в Мехико, — вспоминает Горохова, — и до финала не проиграла ни одного боя... Когда в финале я выиграла у Новиковой, Иван Ильич подошел ко мне и сказал, что теперь, когда я выиграла у сильной и к тому же у «своей», я просто обязана выиграть у иностранок, они ведь слабее, а то, мол, получится ни Новиковой, ни себе... И вот сознание того, что мне никак нельзя проигрывать, совершенно сковало меня. Я проиграла все оставшиеся бои, хотя состав финала в тот год был не очень сильным...»

Новикова же после поражения в первом бою как будто вовсе не расстроилась — в ожидании следующей финальной встречи она... почитывала журнал, а когда ее вновь вызвали на дорожку с Ильдикой Рёйте, спокойно отложила свое чтиво и разгромила олимпийскую чемпионку в Токио со счетом 4:0. Бой был уже завершен, а Ильдику все еще не спешит снять маску, словно не веря, что повторения Токио не будет.

Вслед за венгеркой Новиковой проиграли и остальные финалистки — атлетичная, взрывная шведка Пальм, изящная француженка Гапе, а также техничная, «правильная» мексиканка Ролдан, хотя красавицу мексиканку «защищал» весь Мехико, ибо неистовые мексиканские болельщики не желали иной олимпийской чемпионки...

В финале командного турнира наша почти наполовину обновленная команда — на смену Растворовой и Прудсковой пришли Чиркова и Новикова (Белова). — встрети-лась вновь с командой Венгрии. Но на этот раз венгерки, обессиленные полуфинальной битвой с румынками, про-играли.

1972 г., Мюнхен

1. А. Раньо-Лонци (Италия)
2. И. Бобиш (Венгрия)
3. Г. Горохова (СССР)

5 сентября в олимпийской деревне прозвучали выстрелы. Был нарушен мир Олимпийских игр, веками, со вре-мен Древней Греции, почитавшийся священным.

«Совершенно потрясенные, мы жили, как на вулкане, — вспоминает Забелина. — Женский командный турнир был назначен как раз на тот день, на 5 сентября, и наши бои отложили. Вернее, поначалу вообще было не-ясно, продолжится ли Олимпиада после столь трагическо-го инцидента.

А когда спустя два дня соревнования возобновились, не так-то просто удавалось не думать о том, что произо-шло...»

В командном турнире наши, как обычно, довольно легко прошли предварительные ступени, и полуфинал свел их с командой Румынии. К тому времени эта коман-да стала одной из сильнейших в мире. Возглавляемые своим знаменитым лидером — Ольгой Орбан-Сабо, ру-мынки неудержимо, напористо рвались к победе, а прису-щее им острое чувство боя, цепкость и жажда атаки де-лали поединки с ними крайне опасными: чуть зазева-ешься, ошибешься в дистанции, и вот уже «сидишь на уколе», как бабочка на булавке.

Но и у румынок наши девушки выиграли довольно легко. А перед финалом — предстояла традиционная вст-реча с венгерками — вдруг занервничали, словно засом-невались в своих силах, хотя в четвертьфинале победи-ли их со счетом 9:4. И вот, то ли устали в предыдущих боях, то ли сказалось напряжение, связанное с трагиче-ским происшествием в олимпийской деревне (а вернее, повлияло и то и другое), спокойствие в нашей команде было утеряно. К тому же Галина Горохова, которой пе-давно удалили мениск, явно с трудом выдерживала на-грузку командных поединков.

«Уже надо выходить на помост, а мы все никак не можем решить, кто же будет фехтовать в финале», — вспоминает Забелина.

Венгерки меж тем разминаются в приподнятом настроении, с юморком, словно им вовсе не о чем беспокоиться. Разминаются четверо — Бобиш, Рёйте, Сольноки, Шварценбергер. Все, кроме Шварценбергер, старые знакомые — именитые, опытные, «зубастые».

«В последний момент мы решили выступить старым составом, как в полуфинале, — Горохова, Самусенко, Белова (Новикова) и я», — вспоминает Забелина.

Итак, вновь, вот уже четвертую Олимпиаду подряд в финале женского командного турнира — дуэль команд СССР и Венгрии. Общий счет этих финальных встреч к моменту начала финала в Мюнхене — 2:1 в пользу советских фехтовальщиц.

Когда наши рапиристки вышли на помост для ритуальных приветствий, нервозность вроде бы оставила их, и настроение в ожидании финальных боев поднялось. И только Забелина ощутила в себе какой-то надлом. Быть может, на ней, как на капитане команды, больше, чем на других, отразилась вся эта предфинальная сумятица?

Позднее в «Советском спорте» появятся такие лихие строчки: «В тот вечер никого красивее их в Мюнхене не было. Они — это две москвички и две мипчанки: Галина Горохова и Александра Забелина, Татьяна Самусенко и Елена Белова...» Но пока до этого репортажа еще далеко — целые сутки и тысяча лет, вся жизнь на кончике рапиры.

Первый финальный бой — Сольноки — Самусенко. Они знают друг друга, что называется, как самих себя, потому что их клинки скрещивались десятки раз. Вся стойка Сольноки выражает нетерпеливую жажду боя, но она знает, что на Самусенко не очень-то разбежишься, и у нее хватает терпения выжидать. В безумном напряжении, ничего не предпринимая, обе ходят по дорожке, стараясь уловить промах соперницы. В таком бездействии — лишь раздается слабое потрескивание клинков — проходит почти все время боя. И тут, знаменитая своей выдержкой, Самусенко не выпесла пытки бездействием и, бросившись вперед — ее клинок скользнул по воздуху, — паткнулась на рапиру Сольноки (1:0). Получив отрезвляющий укол и убеждая себя успокоиться, Тапя «убаюкала» меж тем не противницу, а себя и «проспала» внезапный прострел-

атаку венгерки. 2:0. Для опытной фехтовальщицы такой счет не катастрофа. Можно не торопясь походить по дорожке, внимательно изучая, что делает противница, попытаться «раскрыть» ее и т. д., только для этого нужно время. Но тут раздается гудок хронометра: до конца боя осталась одна минута. Значит, если в течение минуты Самусенко не сравняет счет, она проиграла. Теперь нужно спешить, но поздно, время боя кончилось, она успела сквитать лишь один укол.

Следующий бой — Бобиш — Забелина. Венгерка чувствует себя в этом бою уверенно и легко. Об этом свидетельствует и счет боя 4:0 в ее пользу.

Следующими на помост восходят Горохова и Рёйте. Ситуация командной встречи психологически «играет» на Рёйте — венгерки ведут со счетом 2:0. Но не такова Горохова, чтобы это ее «расклеило», скорей, наоборот, эта ситуация и ей на руку, ибо она из тех, кто в командных битвах выигрывает там, где всего нужнее. Сначала Рёйте повела в счете — 2:0, но Горохова сравняла счет, а затем и выиграла со счетом 4:2. «Я старалась действовать только наверняка, — вспоминает Горохова, — и не шла ни на одну рискованную фразу».

Теперь только бы Белова скрепила успех, выиграв у самой молодой и неопытной из венгерок Ильдику Шварценбергер. Но оказывается, это не так-то просто, ибо маленькая левша страшно неудобна, ее стойка не укладывается в классические фехтовальные рамки, и попасть в нее крайне трудно — это удается Беловой лишь дважды.

Пронзительно крича, Ильдику отважно и чутко снуют вокруг Беловой, закидывая рапиру чуть ли не под потолок и оттуда каким-то невероятным образом простреливает все ее защиты — 4:2 выигрывает Шварценбергер.

В следующем бою Сольноки побеждает Забелину, и счет финальной встречи становится для нас критическим — 4:1 в пользу венгерок.

После второго своего поражения Забелина вдруг почувствовала дурноту и, бросив на ходу Ивану Ильичу: «Мне плохо», вышла из зала на улицу.

«Веришь ли, у меня вдруг закружилась голова, — рассказывала мне Шура, — и одна нога стала выбивать дробь, крупную дробь». Она очнулась, почувствовав папшатырь, рядом был врач и массажист, — он пытался укротить «танцующую» погу. «Первое, что я увидела, придя в себя, — крупным планом участливое лицо полицейско-

го, он внимательно наблюдал, как меня приводят в чувство...»

Собрав крохи сил, Шура выиграла свои оставшиеся два боя, да и во всей командной встрече паступил перелом, наши стали постепенно сравнивать счет, уступив венгеркам еще лишь один бой, и в конце концов выиграла со счетом 9:5.

По мнению Манаенко, очень важно было то, что в том году удалось сохранить старую, образца 68-го года, олимпийскую команду. И хотя много было в стране сильных, способных фехтовальщиц, та, которая смогла бы на равных войти в эту команду, с его точки зрения, еще не появилась. Во Всесоюзном тренерском совете были и противники подобной точки зрения. Все же в конце концов Манаенко отстоял свою команду...

Состав участниц личного олимпийского турнира оказался исключительно сильным, об этом говорит хотя бы то, что Сабо, Рёйте и Забелина были вынуждены сложить оружие уже в предварительных.

Почему двукратная чемпионка мира Александра Забелина ни разу не пробилась в финал Олимпийских игр? По-видимому, она не раз спрашивала себя об этом, ибо на мой вопрос ответила сразу. В 1968 и в 1972 олимпийские годы она становилась чемпионкой страны и, вероятно, именно к первенству СССР достигала пика своей формы. И кроме того «тут какой-то рок» — и в Мехико и в Мюнхене она проиграла в четвертьфинале решающий бой одной и той же фехтовальщице.

В фехтовании можно быть чемпионкой из чемпионок и при этом «ходить в клиентах» у какой-нибудь вовсе не сильной противницы. Вот неудобна она тебе, и все — или непривычно заносит рапиру, вверх, и оттуда сквозь дырявую крышу твоих защит капли уколов обидно шлепаются на твою курточку, или неожиданно спрячется в защите — «крючок» (никак не ухватишь ее) и жалит тебя укольчиками откуда-то из-за угла. А то вдруг одной наглостью своего нападения разнесет все твои чемпионские замыслы. И после такого боя тебе, возможно, будет просто стыдно снять маску. Она может проиграть абсолютно всем, но у тебя — парадокс фехтования — непременно выигрывает.

Почти у всех фехтовальщиков есть свои «клиенты» и своя «погибель», с которой не стремишься встретиться в решающем бою, тем более на Олимпийских играх. И в

Мехико и в Мюнхене Забелина «вылетела» из предварительных состязаний, проиграв чешской фехтовальщице Рацовой. В то время чешка не была так сильна, как последние годы (на чемпионате мира в 1978 году она была второй), и ни в Мюнхене, ни в Мехико даже не пробилась в финал. Но к Забелиной у нее был какой-то свой ключик...

Что касается фппала, он, как и в Мехико, был открыт поединком советских фехтовальщиц Гороховой и Беловой. Обе имениты, авторитетны и в полной мере претендуют на золотую медаль. Белова жаждет повторения Мехико, а Горохова... «Мы всегда надеялись видеть ее первой, — говорил о ней перед отъездом в Мюнхен старший тренер сборной СССР Лев Сайчук, — но Галя чуть недотягивала. Может быть, она на этот раз перейдет свой рубикон?»

«В Мюнхене я могла фехтовать только с обезболивающими уколами, так как в том году у меня был разрыв мениска», — вспоминает Горохова. Тем не менее, как и на предыдущей Олимпиаде, она вновь выиграла первый бой у Беловой, но затем потерпела поражение от венгерской фехтовальщицы Бобиш. Белова меж тем уверенно побеждает французенку Демай, шведку Пальм и, кажется, вновь, как и в Мехико, выходит в лидеры. Быть может, ей удастся повторить триумф Илоны Элек, став олимпийской чемпионкой дважды? Но нет. Проиграв затем Бобиш и Раньо, она откатывается на пятое место.

Горохова же вырывается вперед — она наносит поражение уверенно лидирующей Раньо, буквально раздвигается со скисшей от проигрышей Пальм, и теперь, если победит французенку, судьба золотой медали решится в перебое Горохова — Раньо. Если проиграет... но об этом, я полагаю, она тогда не думала...

Итак, Демай — Горохова. Разница в силуэтах соперниц бросалась в глаза — широкая, фундаментально скроенная Горохова и тоненькая, топенькая даже для французенки, Демай. В наступившей тишине арбитр представил соперниц, они отсалютовали друг другу и приняли боевые позиции: высокая, свободная, с произвольно опущенной рапирой — у Гороховой и низкая, классически широкая, с чисто профильной посадкой — у Демай. Ее рапира угрожающе нацелена сопернице в грудь, и, хотя золотая медаль ей уже «не светит», ясно — она будет биться из всех сил. Между прочим, в Мюнхен она приехала

в сане чемпионки мира, и авторитет сильнейшей, видимо, не позволил ей фехтовать спустя рукава.

«Счет был 2:1 в ее пользу, когда до конца боя осталась минута, — вспоминает Горохова. — Значит, теперь я должна быстро сравнять счет и... не могу... Ясно вижу, что нужно «потаскать» ее по дорожке, разыграть дистанцию и стрелкнуть быстрым выпадом, но нога не позволяет мне этого сделать. Если бы я только могла выиграть у Демай, с Раньо, я чувствовала, справилась бы. На той Олимпиаде я выиграла у итальянки три раза подряд: два — в предварительных и один раз — в финале... Я понимала, мне надо быстро атаковать, но сделала это медленно и получила еще укол...»

Это была четвертая, последняя Олимпиада Галины Гороховой, на которой она удостоилась бронзы. Все четыре раза Горохова неизменно фехтовала в финалах Олимпийских игр, но завоевать золото ей так и не удалось...

Чемпионкой XX Олимпийских игр в Мюнхене стала 32-летняя итальянка Антонелла Раньо-Лонци. Она фехтовала в классической итальянской манере, побеждала умно, тактически переигрывая своих соперниц, и уступила в финале лишь один бой — Гороховой...

1976 г., Монреаль

1. И. Шварценбергер (Венгрия)
2. М. Колино (Италия)
3. Е. Белова (СССР)

Из олимпийской сборной СССР, выступавшей в Мюнхене, до Монреаля «дотянула» лишь Белова. Вместе с ней новую команду составили три спортсменки из Казани — Никонова, Князева, Гилязова и москвичка Сидорова. И Белова, на предыдущих двух Олимпиадах выступавшая в команде прославленных фехтовальщиц, старше москвички на добрый десяток лет, в Монреале вдруг ощутила себя самой опытной и именитой среди четырех юных дебютанток. Акценты переставились, и, естественно, ответственность за выступление нашей команды ложилась во многом на Белову.

Правда, девушки дебютантками были лишь на Олимпиаде, но уже «обкатались» на международных турнирах и чемпионатах мира, имели звание чемпионки мира в команде, а Валентина Никонова была к тому же и победительницей чемпионата мира. Так что это были, если можно так выразиться, опытные, «стреляные» дебютант-

ки, каждая со своим фехтовальным почерком, вкусом и манерой боя.

К примеру, высокая, в жизни замкнутая Никонова и в бою не слишком «разговорчива», не ошеломляет противниц блеском пысканных фехтовальных фраз, но ее «кошек» — атака с синкопами — подчас надежно защищает ее в самых трудных боях. Тому доказательство ее победа на чемпионате мира.

Ольга Князева фехтует аккуратно, рационально, просто. Она как будто ничем особенно не выделяется — ни скоростью, ни ростом, ни темпераментом, но ей отпущено всего ровно столько, что обычно называют золотой серединой. Кстати, в 1975 году она была названа первой фехтовальщицей мира.

Тихая, приветливая Наилия Гилязова самая скромная фехтовальщица из всех, кого я когда-либо знала. Однако фехтует самоотверженно и зло, неутомимо «таская» противницу по дорожке до тех пор, пока, наконец, не представится возможность — а она не упустит и малейший шанс — сразить окончательно.

В Монреале в личном турнире от нашей команды фехтовали Белова, Князева, Сидорова. И так случилось, что роковую роль в выступлении всех наших «личниц» сыграла венгерская фехтовальщица Бобиш. Ей удалось остановить на подступах к финалу сначала Князеву, потом Сидорову, и она в самый последний момент «отдала» от золотой медали Белову. Итак, прежде о Князевой.

Рассказывают, что в том последнем своем бою Ольга Князева мужественно сражалась, но потерпела поражение, ибо «мудрая Бобиш» тактически ее переиграла, передумала и весь бой построила на внезапности нападения.

Однако мнение заслуженного тренера СССР, тренера Князевой, Гилязовой и Никоновой В. В. Житлова несколько иное. «Ольга была готова к Олимпиаде хорошо, — рассказывал Житлов, — но все же не так хорошо, как к чемпионату мира в 1975 году... До встречи с венгеркой она не без помощи судьи потерпела поражение от французки Гапе и очень сильно переживала этот проигрыш. Когда ее вызвали на дорожку с Бобиш, она, по-моему, никак не могла отключиться от поединка с французенкой и фехтовала гораздо хуже, чем в предыдущих турах, была рассеянна, расстроена, словом, не «жила» настоящим поединком».

Сначала Бобиш вела со счетом 7:4, затем Ольге удалось сравнять счет. И вот последняя фраза поединка: Князева теснит Бобиш к границе дорожки и бросается в сложную атаку — флешь с купе, Бобиш тут же стреляет контратакой, и зажигаются обе лампочки. Судья дает, однако, туше в пользу Бобиш, хотя, на взгляд Житлова, «темп не выигран». Но так или иначе победила венгерка, и в следующем туре ее ждала Сидорова...

Лишь только начался поединок, Валя сразу же уверенно почувствовала «свой» бой. Лихо разгуливая из конца в конец дорожки и блистая изяществом и виртуозностью фехтовальных манер (что бы ни делала — все красиво), она эффектно и чисто переигрывала Бобиш, оглашая зал протяжным и ликующим «О-о!». Ильдико же поначалу никак не могла найти себя и, чтобы сбить Сидорову с ее виртуозной пляски, четыре (!) раза просила судью остановить бой — то ей мешали овации публики, то у нее запотели очки...

Когда при счете 4:2 в пользу Сидоровой арбитр объявил, что до конца боя осталась одна минута, казалось, все, Валя его выиграла. Теперь ей нужно было лишь «потянуть» время, хитро и чутко побегать от соперницы, изредка попугивая ее ложными атаками и ничего всерьез не предпринимая. И та ни за что не достала бы ее. Но, ведя в счете, Сидорова, как это бывало с фехтовальщицами и поопытней, вдруг совсем успокоилась, решив, что бой уже выигран. Она беспечно отступала, забыв о границе дорожки, Бобиш же сконцентрировала все свои силы и сумела поймать «свой» бой, ей удавалось теперь все, чтобы она ни делала. У Вали же не получалось ничего. И, потеряв вдруг свой дерзкий, торжествующий прессинг, она скиталась по дорожке совершенно «пустая». А Бобиш пошла ва-банк. Терять ей было уже нечего, время работало не на нее. Бешено наступая, она прижала Сидорову к границе и дважды подряд сделала свой конек — атаку с синкопами (этим она напоминает Никонову). Валя еще пыталась поймать ее оружие, но не смогла, и счет стал 4:4. Теперь, лишив себя всякого преимущества, она внутренне дрогнула: могу проиграть. Но тут же отбросила эту мысль, хватит пятиться, подумала она и, яростно бросившись вперед... «села» на контратаку Бобиш. Через несколько секунд время боя кончилось, счет был 5:4 в пользу венгерки. Сорвав маску, она, ликуя, высоко подпрыгнула — впереди финал! Валу же разрывали совсем

инные чувства — горько, глупо, обидно, не-по-прави-мо проиграла — что тут скажешь? Подчеркнуто аккуратно она сложила свое оружие в чехол (теперь оно не понадобится до командных состязаний) и начала тихо реветь... Зал давно опустел — перерыв, — а она все не могла двинуться с места...

В финал из наших пробилась только Елена Белова, это уже ее третий олимпийский финал.

Первый бой она проигрывает Ильдику Шварценбергер. Опять, как и в командном турнире в Мюнхене, Лене трудно попасть в маленькую венгерку, та же непрерывно бросается в нападение. Она практически вообще не ходит по дорожке, долбит противницу атаками без перерыва, пока, наконец, не пробьет защиту.

Но первое поражение в финале для Лены дело обычное. Так было в Мюнхене и так было в Мехико, где она стала чемпионкой Олимпийских игр. В сущности, ведь проигрыш первого боя может ничего больше не означать, кроме проигрыша первого боя.

И действительно, следующие поединки Белова выигрывает: у итальянки Колино, француженки Дюмон и у фехтовальщицы из ФРГ Ханиш. Правда, победы эти, по словам корреспондента «Советского спорта», дались ей с трудом, первые две с преимуществом всего в один укол. Но победа есть победа. И теперь, чтобы приблизиться к золотой медали, а точнее, к перебою за эту медаль, ей нужно одолеть только Бобиш, чей столбик в финальной турнирной таблице сплошь темнеет значками поражений. Но похоже, Бобиш не хочет покинуть финал, не одержав хотя бы одной победы. Она ведет последний бой так агрессивно, так упорно, будто это сулит ей золотую медаль. Вот она уже ведет со счетом 4:2, и до победы ей остается один-единственный укол. Ценой огромных усилий Белова — вспомните ее умение вытягивать самые безнадежные бои — сравнивает счет. Теперь и ей — лишь один укол до выигрыша. Всего один. Белова атакует раз, другой, третий — все мимо. А атакуя в четвертый, врывается прямо в защиту Бобиш и получает решающий, пятый укол...

В перебое за высшую награду Монреальской олимпиады сошлись Ильдик Шварценбергер и Мария Консолато Колино. Фехтующая в классической манере, по-итальянски бурно, эмоциональная Колино и неистовая Шварценбергер бились так, словно дали клятву ни на шаг не отступать. В своей манере непрерывных атак — где

только силы берет? — Шварценбергер трижды вырывалась вперед, и Колино упорно гналась за ней по пятам, трижды сравнивая счет. Но при счете 4:4, нырнув в одну из своих сумбурных атак и нанеся пятое туше, Шварценбергер, стала недосыгаема...

Зато в командном турнире первенствовали наши девушки. Предварительные встречи они прошли легко, словно с горки съехали. А в финале впервые за всю историю Олимпийских игр встретились не с венгерками. Многоопытные и именитые фехтовальщицы Венгрии уступили в полуфинале натиску юных французенок — троим из них не было и двадцати. Но французенки так устали в полуфинале, где победили в тяжелой борьбе со счетом 8:8, по уколам, что почти не оказали сопротивления нашим девушкам. Судите сами: счет финальной встречи — 9:2. «Французенки в финале были для нас приятным сюрпризом, — вспоминает Валентина Сидорова, — с венгерками нам было бы потруднее...»

1980 г., Москва

1. П. Трэнке (Франция)
2. М. Марош (Венгрия)
3. Б. Высочаньска (Польша)

Говорят, ни одна Олимпиада не обходится без сенсаций. Пожалуй, самой броской сенсацией фехтовального турнира Московской олимпиады стало, увы, выступление наших женщин. Ибо впервые за последние двадцать лет ни одна из них не сумела пробиться в финал, хотя по меньшей мере две из трех наших спортсменок — Белова и Сидорова — все это олимпийское трехлетие ходили в претендентках на олимпийское золото. В таких случаях говорят: «Спорт есть спорт». И надо полагать, наши тренеры разберутся, конечно, в чем причина столь серьезной неудачи.

А чемпионкой Московской олимпиады стала юная французенка Паскаль Трэнке. Она фехтовала, совершенно презрев изыск канонов французской классики и поражая противниц неудобством и самобытностью стиля. Энергично подбадриваемая соотечественниками: «Алле, Паскаль!» — она проиграла в финале всего один бой и, кажется, не вполне еще сознавая, что чемпионка Олимпийских игр и она — это одно лицо, скромно взошла на высшую ступень пьедестала почета. Причем взошла на этой Олимпиаде дважды — в командном турнире женщин

впервые за всю историю Олимпийских игр победили также француженки, выиграв в финале у наших фехтовальщиц — 9:6.

«Пропутешествовав» по восьми Олимпиадам — от Хельсинки до Монреаля, — невольно убеждаешься, сколь сильно изменился фехтовальный поединок со времен XV Олимпийских игр.

Оснастившись новейшей электротехникой, он стал неизмеримо динамичней, острее, лаконичней. А широкая популярность во многих странах фехтования привела к высокой и постоянно возрастающей конкуренции на мировом помосте.

К примеру, в 1952 году легко можно было назвать двух, в крайнем случае трех претендентов на золотую олимпийскую медаль, которым остальные участники Игр почти не оказывали сопротивления и, быстро проиграв, глядели затем с восхищением на их поединок-представление.

Меж тем «великие» являли свое фехтование, плетя бесконечную паутину витиеватых, старомодно-изысканных фраз, и тонкие ценители старого классического поединка созерцали «работу известных мастеров», лишь изредка нарушая «священную» тишину возгласом «браво».

Сейчас же любой знаток фехтования легко назовет вам десяток претендентов из 5—6 стран на титул короля фехтования, а выиграет Олимпийские игры, возможно, какой-нибудь одиннадцатый мистер Икс. Но прежде ему придется пройти сквозь «железный заслон» предварительных ступеней, ожесточенно сражаясь за каждый укол, ибо никто не станет расшаркиваться перед ним и дороги в финал не уступит.

Сдержанных ценителей старого классического поединка сменили пылкие, азартные болельщики, которым уже мало созерцать, ибо они «неизлечимо болеют» за «своих», шумно переживая каждый прозвевший укол, каждую фразу...

А каким станет фехтование в будущем?

Во всяком случае, грядущие Олимпийские игры, как и все предыдущие, внесут определенные поправки в состоявшийся круг фехтовальных мнений. И зрители станут свидетелями новых звонких побед.

А. Пискарев
Шпаги стали острее

Если заглянуть в дореволюционное фехтование, то увидим, что в России имел спортивное распространение главным образом эспадрон (сабля), отчасти рапира. Фехтование же на шпагах почти не привлекало любителей. Уместно заметить, что первый чемпионат Советского Союза по шпаге состоялся в 1939 году.

А что сказать о международных встречах? Первая состоялась только в 1935 году с турками, противниками совсем не первостатейными. Затем многолетний перерыв и, наконец, товарищеские турниры в 1951 году с венграми. А через год наступила пора серьезнейшего экзамена — XV Олимпийские игры в Хельсинки.

Из трех видов фехтования я поведу речь о самом сложном — боях на шпагах.

В отличие от других видов фехтования бой на шпагах наиболее приближен к условиям действительно дуэльного поединка. Здесь и более массивное оружие, и разрешены столкновения с противником и уколы во все части тела, кроме затылка, который не защищен маской. И судятся встречи спортсменов-шпажистов по-иному. Если в боях на саблях или рапирах по истечении времени (у мужчин — 6 мин., а у женщин — 5 мин.) спортсмены продолжают вести встречу до решающего укола (удара), то в турнире на шпагах по истечении времени и равном счете обоим участникам дуэли засчитывается поражение.

На Олимпийских играх 1952 года советские фехтовальщики ушли с дорожек Олимпиады, не завоевав ни одной медали, ни одного очка. Мы не смогли на равных скрестить оружие с французами, итальянцами, венграми, поляками, шведами и другими представителями тех стран, где фехтование культивировалось многие десятилетия, а порой и столетия. Мы, новички, не смогли одолеть испытанных мастеров.

1952 г., Хельсинки

1. Э. Манджаротти (Италия)
2. Д. Манджаротти (Италия)
3. О. Цапелли (Швейцария)

Командные соревнования

1. Италия. 2. Швеция. 3. Швейцария

* * *

Прошло четыре года. В конце декабря 1956 года теплоход «Грузия» покинул берега Австралии, увозя на Родину советских спортсменов — участников XVI Олимпийских игр в Мельбурне. Собираясь во время долгого путешествия в салоне первого класса, тренеры и спортсмены подводили итоги выступлений на Олимпиаде 1956 года.

— Как расценивать выступление фехтовальщиков: удовлетворительным, слабым или неудовлетворительным? — вспыхивали постоянно горячие споры, когда речь заходила о представителях фехтовального спорта. Решение было следующим: выступление на эспадронах считать удовлетворительным, старты советских фехтовальщиков на рапирах и шпагах слабым, а женщин — неудовлетворительным.

Как же выступили на своей второй Олимпиаде наши шпажисты? В командной борьбе они были вынуждены стать зрителями после полуфинальных боев. В борьбе за личное первенство двое — И. Удрас и Р. Церекидзе — прекратили борьбу еще в предварительных состязаниях, а А. Чернушевич — в четвертьфинале.

1956 г., Мельбурн

1. К. Певези (Италия)
2. Дж. Дельфино (Италия)
3. Э. Манджаротти (Италия)

Командные соревнования

1. Италия. 2. Венгрия. 3. Франция

* * *

Рим. 1964 год. Итальянцы принимают у себя XVII Олимпийские игры. Мне посчастливилось быть специальным корреспондентом газеты «Советский спорт» на этом всемирном спортивном форуме. Да, здесь, в этой древней стране, любят бои на клинках. И когда я осматривал отведенный в распоряжение олимпийцев-фехтовальщиков Дворец конгрессов, невольно задавался вопросом: «Для кого строилось это великолепное здание — для конгрессменов или спортсменов?»

И я горд, что мне довелось стоять на трибунах этого дворца и слушать величественные звуки советского Гим-

на в честь первой победы нашего фехтовальщика, ленинградца Виктора Ждановича. Но моя задача рассказать о шпаге, а не о рапире, поэтому вернемся к состязаниям шпажистов.

...Честь нашей страны в личных соревнованиях в этом виде оружия защищали чемпион мира 1959 года, двукратный чемпион СССР рижанин Брупо Хабаров, армеец Гурам Костава и динамовец из Минска Арнольд Чернушевич.

Стартовали они удачно, но дальше пошло хуже. Раньше других за «бортом» оказался Чернушевич. В полуфинале горячность и поспешность выбила из борьбы Костава. Несмотря на неудачи друзей, неудержимо вперед продвигался Б. Хабаров. Он мужественно проводил каждую дуэль и смог в дополнительном бою за третье место победить венгра Й. Шаковича. Бронзовая медаль вручается советскому шпажисту. Первая! Пока бронзовая. А когда же придет золотая?

1960 г., Рим

1. Дж. Дельфино (Италия)
2. А. Джей (Великобритания)
3. Б. Хабаров (СССР)

Командные соревнования

1. Италия. 2. Великобритания. 3. СССР

* * *

Шпага — такой вид оружия, где почти ежегодно меняются чемпионы, а на Олимпиадах вообще не было случая, чтобы кто-либо дважды завоевывал звание олимпийского чемпиона.

На XVIII летних Олимпийских играх в Токио в личном первенстве приняли участие 65 шпажистов из 26 стран.

В полуфинал вышли спортсмены семи стран: Г. Костава (СССР), О. Липдвал (Швеция), Б. Гонсер (Польша), Г. Крисс (СССР), Дж. Саккаро (Италия), К. Буркар (Франция), Х. Хоскинс (Великобритания) и А. Рампца (ОГН/ФРГ).

Много раз до этого Григорий Крисс встречался с Б. Гонсером, но ни разу не мог добиться победы. Выигрывал и у более сильных соперников, но терялся при

встрече с поляком. И не потому, что был слабее. Нет. Григорий проигрывал ему до начала боя психологически и даже где-то подсознательно смирился с тем, что при встрече с Гонсером последует очередное поражение.

И вот жребий свел их вновь на олимпийской дорожке в Токио в полуфинальном бою.

За несколько минут до начала встречи Григорий Крисс с досадой произнес:

— До чего же не везет! И надо же попасть именно на того, у кого я ни разу не выигрывал. Что с ним, долговым, делать, прямо не знаю!

— Вот и хорошо, что раньше не выигрывал, — спокойно возразил старший тренер сборной команды страны Герман Бокун. — Значит, сейчас выиграешь. Спрашиваешь, что с ним делать? Колоты! Ни секунды не давать покоя и колоты!

Г. Крисс предложил противнику сложную позиционную борьбу. Поляк хотел провести всю встречу в защитном варианте и обыграть Г. Крисса на контратаках. Из этого ничего не получалось. Тогда Гонсер бросился в нападение. Искусно нырнув влево-вниз, так, что шпага поляка мелькнула над головой, Крисс мгновенно нанес ему укол в ногу.

Первый успех окрылил Крисса, и он провел еще несколько раз этот нехитрый прием с различными вариациями. Вскоре счет дуэли стал 5:0 в пользу Крисса. А дальше счет пошел 6:1, потом 7:1, 8:2, 9:2 и, наконец, победа — 10:3!

В финале собралась сильная четверка. Все не раз претендовали на титул чемпиона мира. Англичанин Х. Хоскинс и итальянец Дж. Саккаро уже поднимались на высшую ступень пьедестала почета. Самым молодым среди них был Г. Крисс. 24-летнему киевлянину впервые выпала честь оспаривать на Играх золотую медаль шпажистов.

Первый финальный бой свел советских спортсменов: Г. Костава и Г. Крисс выходят на дорожку, хорошо зная друг друга. Более опытный Костава, пользуясь некоторой неуверенностью противника, легко его обыгрывает — 5:2. Вторая встреча проходила в равной и напряженной борьбе. Х. Хоскинс переигрывает итальянца Дж. Саккаро — 5:4.

Драматичным был поединок Крисса с англичанином. Хоскинс сразу сумел нанести два укола и повел в счете.

Но наш мастер клинка не только сумел выравнять положение, но и захватить лидерство — 3:2. На какое-то время киевлянин теряет бдительность, и англичанин наносит подряд два укола. До окончания дуэли остается только минута. Тут нужны огромное самообладание, воля, расчет, чтобы не только не пропустить последнего укола, но, не сделав дубля (в состязании по шпаге, напоминая, засчитываются обоюдные уколы), выиграть чистый укол.

Киевлянин добился этого, и счет стал 4:4. Теперь исход поединка решал последний укол. Но в ход дуэли вмешалось... время. До конца боя оставалось менее минуты. Естественно, это наложило отпечаток на характер заключительной части соперничества за золотую олимпийскую медаль.

Каждый хотел нанести решающий укол, и оба, как говорится, очертя голову бросились друг на друга. Счет растет быстро: 5:5, 6:6, 7:7, ...8:8. До конца боя остаются считанные секунды!

...Надо же было случиться такому — выиграй Крисс первый финальный поединок у Коставы даже при таком положении, какое сложилось во встрече с англичанином, он уже стал бы олимпийским победителем. А сейчас? Если кончится время и счет будет равным, то обоим будет засчитано поражение...

Буквально на последних секундах Г. Крисс наносит решающий укол! Но по-прежнему полная неясность: судьба золотой медали будет решена только после «перебоя» с Хоскинсом.

Последняя дуэль. В ней Крисс был тем бойцом, который смог навязать свою жесткую тактику и в сложнейших ситуациях выходил победителем. Собранность, выдержка, воля привели его к победному окончанию поединка. И счет 5:2 — убедительное доказательство полного превосходства советского шпажиста.

Григорий Крисс первым из советских мастеров шпаги вписал свое имя в золотую олимпийскую летопись.

В командных соревнованиях по шпаге в Токпо участвовало 18 команд. Советские мушкетеры, опередив в своей подгруппе сборные Аргентины (15:1) и Ливана (9:1), вышли в четвертьфинал, где жребий свел их с одной из сильнейших команд мира — венгерской. Наши шпажисты проиграли встречу 4:9. А венгры, легко обыграв сборные Италии и Франции, стали олимпийскими чемпионами.

1964 г., Токио

1. Г. Крисс (СССР)
2. Х. Хоскинс (Великобритания)
3. Г. Костава (СССР)

Командные соревнования

1. Венгрия. 2. Италия. 3. Франция

* * *

На Олимпиаду в Мехико советская команда шпажистов отправлялись в ранге чемпионов мира, и поэтому на них возлагались большие надежды.

Как и на Играх в Японии, Г. Крисс пробился в финальную четверку. Однако бои с венгром Д. Кульчаром складывались не в пользу киевлянина, и ему пришлось уступить золотую медаль и довольствоваться серебряной.

Никанчиков, которому прочили лавры победителя, не оправдал надежд и выбыл из полуфинальных встреч.

Впервые сборная Советского Союза всерьез посягнула на высшую командную награду. Наши мушкетеры победили сборные Португалии (13:2), США (10:5), Италии (10:4 и 7:0), ФРГ (9:3), но проиграли команде Венгрии (4:7) и были удостоены серебряных наград, которые были вручены Г. Криссу, И. Витебскому, А. Никанчикову, Ю. Смолякову, В. Модзалевскому.

1968 г., Мехико

1. Д. Кульчар (Венгрия)
2. Г. Крисс (СССР)
3. Дж. Саккаро (Италия)

Командные соревнования

1. Венгрия. 2. СССР. 3. Польша

* * *

Турнир мушкетеров на XX летних Играх в Мюнхене снова подтвердил, что только с годами при хорошо поставленной технике приходит тактическая зрелость. Здесь золотая медаль чемпиона была вручена 29-летнему спортсмену из Венгрии Фёпьеши, а самому старшему представителю этого вида оружия исполнилось 33 года.

Бои на дорожках в Мюнхене не принесли каких-либо сенсаций.

Здесь финал личного первенства среди шпажистов впервые за последние годы состоялся без советских спортсменов.

Пройдя предварительные турниры, все три советских фехтовальщика — Г. Крисс, С. Парамонов и И. Валетов — вышли в полуфинал. Но здесь наши шпажисты вынуждены были из участников стать зрителями. С. Парамонов в своем полуфинале, где собрались очень сильные мастера клинка — венгр Д. Кульчар, швед Р. Эдлинг, француз Ж. Броден, швейцарец Д. Гигер и Х. Мельциг из ГДР, — не одержал ни одной победы. Из этого полуфинала в финал прошли трое.

Во втором полуфинале, где Г. Крисс и И. Валетов сражались с румыном А. Понграцем, французом Ж. ла Дегайери, венгром Ч. Феньешви и поляком Ю. Япковским, наши ребята смогли одержать только по одной победе.

Одержав четыре победы в финале, олимпийским чемпионом стал венгерский спортсмен Чаба Феньешви.

Не сумели поправить свои дела наши шпажисты и в командных соревнованиях. В полуфинале они встретились с пятикратными чемпионами мира и двукратным чемпионом Олимпийских игр (1964 и 1968 гг.) фехтовальщиками Венгрии и проиграли им — 5:8. Победив во встрече за третье место французов — 8:4, советская сборная завоевала бронзовые медали, а золотые в третий раз подряд достались венграм.

1972 г., Мюнхен

1. Ч. Феньешви (Венгрия)
2. Ж. ла Дегайери (Франция)
3. Д. Кульчар (Венгрия)

Командные соревнования

1. Венгрия. 2. Швейцария. 3. СССР

* * *

Без малого три десятилетия назад на Олимпиаде в Хельсинки выступил молодой шпажист Лев Сайчук. Теперь он известный специалист, заслуженный тренер СССР. Недавно я встретился с ним и попросил расска-

зять, каким он видит современного олимпийца-шпажиста.

— Фехтование на шпагах оказалось не таким уж легким видом, как это многим казалось, — говорит Л. Сайчук. — Шпага — это трудная дисциплина, даже более сложная, чем рапира или сабля. Современный мастер шпаги должен быть настоящим атлетом и тонким тактиком. При этом нужно учитывать наличие частых и обильных уколов и поражений. Ему необходимо в совершенстве владеть всем арсеналом приемов рапиристов, иметь устойчивую нервную систему, выносливость и природные качества настоящего бойца.

Кстати сказать, — продолжал Л. Сайчук, — незавидное положение со шпажным фехтованием в нашей стране можно объяснить не только тем, что оно стало развиваться гораздо позже других видов турнирной программы. Давным-давно сложилось мнение (особенно у руководителей спортивных организаций), что на шпаге может фехтовать любой спортсмен. Вот рапира и сабля! Здесь дело другое — нужен особый отбор, исключительное внимание. За рубежом тем временем шпажное мастерство развивалось весьма бурно. Особенно в Швеции, ФРГ, Швейцарии, Норвегии и Австрии, — закончил опытный тренер.

А теперь мне остается рассказать коротко о выступлении советских шпажистов на последних, XXI Олимпийских играх в Монреале. Коротко потому, что лавров они там не завоевали.

Вот уже более двух десятков лет сборная СССР по праву считается сильнейшей в мире. Наши мастера клинка практически не знали поражения в общекомандном зачете на последних пяти Олимпиадах и шестнадцати чемпионатах мира. Однако весьма скромный вклад в эти успехи вносили наши шпажисты. Им, как вы уже знаете, еще ни разу не удавалось выиграть на Олимпиадах командный турнир. Победила команда Швеции, а олимпийским чемпионом стал представитель ФРГ А. Пуш.

1976 г., Монреаль

1. А. Пуш (ФРГ)
2. Ю. Хен (ФРГ)
3. Д. Кульчар (Венгрия)

Командные соревнования

1. Швеция. 2. ФРГ. 3. Швейцария

В конце июля 1980 года сильнейшие фехтовальщики мира начали спор за золотые медали XXII летних олимпийских игр. Этот турнир проходил на дорожках, проложенных на современном футбольно-легкоатлетическом манеже, которому присвоено имя замечательного советского спортсмена, двукратного олимпийского чемпиона в Мельбурне Владимира Куца. Состязания мужчин в личном зачете на шпагах выиграл студент из Стокгольма Йохан Харменберг.

1980 г., Москва

1. И. Харменберг (Швеция)
2. Э. Кольцонаи (Венгрия)
3. Ф. Рибу (Франция)

Командные соревнования

1. Франция. 2. Польша. 3. Румыния

СОДЕРЖАНИЕ

Ю. Зерчанников. ЭТИ ГОНКИ ВДАЛИ ОТ ЗРИТЕЛЕЙ. . .	3
А. Коршунов. ПЯТЬ ТРУДНЫХ ШАГОВ НА ОЛИМП . .	28
ТАКОЙ ПРОСТОЙ, ТАКОЙ НЕПОСТИЖИМЫЙ ПОЕДИНОК	46
Т. Любецкая. <i>Сабельный триумф</i>	47
И. Образцов. <i>Восхождение на семь вершин</i> . .	61
Т. Любецкая. <i>Оружие женщины</i>	72
А. Пискарев. <i>Шпаги стали острее</i>	101

На олимпийской орбите: Сборник очерков/Сост.
Н12 А. Пискарев.— М.: Сов. Россия, 1980,— 112 с.

В этой книге повествуется о выступлении советских спортсменов на Олимпийских играх в трех видах спорта — парусном, пятиборье и фехтовании, об их мастерстве и мужестве, позволяющим одерживать яркие и впечатляющие победы на всемирном форуме. Почему именно в этих трех? О других видах спорта, входящих в олимпийскую программу, было рассказано в отдельных книгах олимпийской серии, выпущенной издательством «Советская Россия», которые воссоздают широкую панораму олимпийских событий.

7А.02

Н 60901—059
М-105 (03) 80 БЗ—38—24—80 - 4202000000

Составитель

Алексей Николаевич Пискарев

НА ОЛИМПИЙСКОЙ ОРБИТЕ

Редактор Л. П. Орлова

Художник Н. И. Шевцов

Художественный редактор Е. Ф. Николаева

Технический редактор Т. Г. Дугина

Корректор Т. А. Лебедева

ИБ № 2478

Сдано в наб. 14.04.80. Подп. в печать 30.09.80. А10459. Формат 84×108¹/₃₂.
Бумага типографская № 1. Гарнитура обыкновенная новая. Печать высокая. Усл. п. л. 5,88. Уч.-изд. л. 5,77. Тираж 50 000 экз. Заказ 1220. Цена 40 к. Изд. инд. ОИ-51.

Издательство «Советская Россия» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 103012, Москва, пр. Сапунова, 13/15.

Книжная фабрика № 1 Росглавполиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, г. Электросталь Московской области, ул. им. Тевосяца, 25.

40 к.

«Советская Россия»